

детектив - событие

Ксения Бажеттова

Закрой глаза - я тут

Ксения Баженова
Закрой глаза – я тут
Серия «Детектив-событие»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3942405
Баженова К. Закрой глаза – я тут: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57768-2

Аннотация

Кира очень волновалась: справится ли она? Ведь ей раньше никогда не приходилось расписывать виллу! Хозяйка дома почему-то ее не встретила, зато в саду Кира неожиданно увидела тело молодого человека без признаков жизни...

Дима не мог упустить этот шанс. Перспектива сделать карьеру в Италии – просто сказка! Пусть для этого ему придется быть с Адой. Он пока не подозревал, зачем понадобился этой страшной женщине...

Аде очень понравился русский мальчик. Для осуществления плана был нужен именно такой – молодой, сильный, умный! Ведь предыдущий ее бойфренд не выдержал и повесился...

Когда хочешь слишком многого, часто не получаешь ничего. А довольствуясь малым, обретаешь то, о чем не мог и мечтать...

Содержание

1	4
2	6
3	9
4	10
5	14
6	16
7	17
8	19
9	21
10	25
11	27
12	28
13	30
14	32
15	36
16	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ксения Баженова

Закрой глаза – я тут

Грибы бывают двух видов. Один смертельно ядовитый, убивающий тех, кто его съедает, и называется он «скамейкой жаб» (англ. toadstool), другой безвреден. Смертельно ядовитые грибы наполнены густой, слизистой и липкой жидкостью, которая не подчиняется законам природы и пищеварения. Такие грибы ужасно опасны, их надо избегать.

Большой гербарий (Великобритания, 1526 год)

1

Октябрь. Италия. Дом

Сначала они долго кружили по серпантину. Там, над горой, висела фиолетовая туча, но здесь едва накрапывало. Внизу расстился осенний разноцветный лес. Казалось, непроходимый, если бы кое-где из красно-оранжево-желтых красок не струились и не исчезали в воздухе, наполненном запахом влажных листьев, древесной коры и земли, невесомые струйки молочно-белого дымка из печных труб, растворяющиеся в серой туманной мгле. Водитель, молчаливый, как это ни странно звучит, итальянец, довольно пожилых лет, с лицом, изрезанным морщинами вдоль и поперек, в засаленной бейсболке и синей ветровке, сбавил ход – поворот, который, по его расчетам, должен был давно появиться и никак не показывался, наконец промелькнул среди деревьев так неожиданно, что даже пришлось сдать назад. Ровная, красивая просека, покрытая сосновыми и еловыми иголками, мягкая и пружинистая, как мох, равномерно покачивала машину, и Чира задремала на заднем сиденье. Но постепенно то с одной, то с другой стороны полезли неаккуратные кусты, царапающие автомобиль за бока; среди них высились старые деревья с замысловато запутавшимися высокими корнями, нагло лезущими под колеса. Просека вдруг покрылась ямами разной величины, каждую из них таксист глухо одаривал ненормативным словом. Неухоженная петляющая дорога тянулась и тянулась, вдруг они пересекли границу сиреновой тучи, и вода внезапно хлынула на них сверху, как из опрокинувшейся гигантской лейки. Колотили по крыше сотни тысяч маленьких и крепких капель, устраивая заехавшему в лес чужаку настоящий артобстрел и мгновенно превращая в чавкающее засасывающее месиво и без того неровную дорогу. Ошибиться путешественники не могли, от дороги не отходило никаких съездов, но путь стал казаться слишком долгим и водителю, начавшему уже по-настоящему проклинать бесконечные петляния по размытым буеракам, и его попутчице.

Она еще в Риме не смогла дозвониться по данному отцом телефону хозяйке виллы, но он, услышав об этом, велел ехать в любом случае: хозяйка точно обещала быть в это время на месте. А если ее не будет, подумал он уже о своем, то время для принятия важного решения ему в любом случае удастся потянуть, пока девчонка смотается туда-сюда.

Наконец они выехали на круглую лужайку перед большим серым домом, казавшимся по-импрессионистски размытым за косыми струями низвергающейся с небес воды – и оттого таинственным. Во дворе стоял джип, увидев который Чира отпустила водителя, предварительно дав ему хорошие чаевые: Scusi¹. Она чувствовала себя виноватой, что завезла его в такую даль и по такой погоде. Таксист смягчился, сказал что-то утешительное и, показав

¹ Извините (итал.).

пальцем в небо, произнес фразу на плохо понятном ей сицилийском диалекте, из которой она вычленила общий смысл: такие дожди осенью в горах надолго. Зонт уже не спасал. К тому времени, когда Чира нашла на калитке звонок, она насквозь вымокла. Обхватив себя руками, Чира растирала ладонями плечи, пытаясь согреться, однако это не помогало. Мало того, никто не открывал. Чира нажимала на кнопку еще и еще, терпеливо ждала, а когда окончательно продрогла, и уже казалось, что даже кожа ее вымокла насквозь, стала изучать устройство замка с той стороны решетки и, случайно надавив плечом на мокрые ледяные прутья калитки, обнаружила, что та открыта. Не очень дружелюбно скрипнув заржавевшими петлями, она впустила Чиру на тропинку, выложенную старинными плитками. Поскальзываясь на их отполированной временем поверхности, девушка добралась до крыльца и постучала в дверь. Молчание. Чира не стала вновь демонстрировать степень своей воспитанности, а приоткрыла дверь и осторожно вошла. Гостиная встретила ее мрачной тишиной: «*Вуон гиюно!*² Есть кто-нибудь?» Сырая одежда прилипла к телу. «Господи! Мой чемодан!» – Чира быстро побежала к калитке и забрала небольшой мокрый «Самсонайт» на колесиках. Его подарил ей отец перед отъездом. Одежда внутри него еще не успела промокнуть. Сбросила вьетнамки и, пристроившись между спинкой дивана и комодом, Чира целомудренно завернулась в маленькое полотенце и, постоянно оглядываясь, передела мокрые трусы и джинсы, сверху надела сухую белую футболку с Микки Маусом взамен вымокшей с Лолли Поп. Долго думала, куда пристроить снятые вещи. Аккуратно положила их на чемодан. Увидела шкафы с книгами, выбрала одну по искусству с красивыми иллюстрациями и села полистать ее на диван в ожидании хозяев. Прошел почти час, никто не появился. Хотелось есть, она набрала отцу узнать, что ей делать, но сети не оказалось. Выключив и заново включив телефон, Чира еще раз убедилась в отсутствии связи. Ходить разглядывать дом в этой ситуации ей показалось не совсем приличным, ливень вроде поутих, и гостья решила прогуляться. У двери обнаружилась большая керамическая ваза, из которой торчали трости зонтов. Она взяла один и вышла в сад.

Прекрасный и густой, он словно приглашал за дом, в самую гущу огромных кустов фиолетово-сине-малиновых гортензий, пышных кустов с полуоблетевшими розами и высокими, густых лип. «Волшебный, сказочный сад! – Чира не могла надышаться воздухом, сгустившимся вокруг нее. – Какое счастье! Мне предстоит провести здесь кучу времени». В эту минуту девушка была абсолютно уверена, что все у нее получится. Мощный прилив вдохновения рисовал в голове чудесные картины, и она обещала себе обязательно запечатлеть все эти цветы, и дождь, и листья в каплях. Ей не терпелось увидеть спальню, которую предстояло расписывать, к тому же она внезапно почувствовала озноб и повернула к дому, когда среди веток что-то качнулось и коротко скрипнуло, и она увидела большой старый дуб.

– Что это на нем там болтается, неужели качели?! – подумала она и, с детским нетерпением продравшись через густые кусты, вышла к дереву. Взгляд ее упал на человека, лежащего на боку в изгвазданном махровом халате.

² Добрый день! (*итал.*)

2

Февраль. Москва. Кира

Кира нашарила в темноте будильник, выключила его и села с закрытыми глазами на кровати. Зябко поежилась, накинула халат и пошла на кухню. Стакан овсянки, три – воды, чистка зубов, теплый душ, запах подгорелой каши. Черт! Теплые струи, как всегда, с утра не отпускали, плясали свой нежный танец на голове и плечах, окутывали серебристой мягкой пряжей, шептали убаюкивающие слова: нега, покой, сон. «С» было шуршащее, как тонкая оберточная бумага, «о» – протяжное, шаманское, «н»... Нет! Снова эта каша... Кира выскочила мокрая, скользя по линолеуму, добралась до перемазанной кастрюли, убрала ее с огня, отделила неподгоревшую часть, положила в тарелку, села за стол и закапала в кашу злыми солеными слезами. По ту сторону окна проступало зимнее темное утро, и снег, похрустывая и скрипя, тяжело и липко забирался в большие лопаты дворников.

– Москва, что же ты такая серая, такая неприветливая? – спросила Кира в невымытое окно последнего этажа митинской хрущевки.

«Да понаехали тут, понимаешь, и еще недовольны. Подавай им все и сразу на блюдечке с голубой каемочкой. Палец о палец не ударят, а волка, между прочим, ноги кормят, терпение и труд все перетрут», – посыпала присказками и поговорками Москва в Кириной голове.

– Да знаю я, все знаю. Еще – всяк сверчок знай свой шесток, не жили хорошо, и нечего привыкать.

Кира вздохнула, скинула кашу в унитаз. Влезла в джинсы, свитер, сапоги. Сверху надела дутое пальто (Черкизон, 2.500, «берите, девушка, Дольче Кабана, подружка нашей хозяйки сама шьет и из Италии возит, теплое, немаркое»), превратилась в кукурузу и пошла прогревать старую «восьмерку» (хорошо бы завелась), чтобы погрузиться в очередную пробку. Вопрос Москве, почему в ней та-акие пробки, задавать не стала. Ответы не отличались разнообразием. «Вот и езжай к себе в Мухосранск, у вас-то небось пробок там нет!» – скажет большая, строгая и циничная Москва (надо же как-то защищаться).

Пробок у них действительно не было, и Кира бы уехала, только куда и к кому?

В Москву ее позвала Лерка, лучшая подруга, гидроперитная пережженная блондинка, дородная, разбитная, наглая деваха, боеголовка на низком старте. Со стрелками в пол-лица, с помадой и красным маникюром, она почему-то ужасно любила тихую Киру, дружила с ней со школы и с тех пор, как они вместе сели в первом классе за одну парту, так ее и опекала. Списывала у Киры, правда, все время, но при этом учила ее жизни, защищала от нападков внешнего мира и даже познакомила с парнем, тихим Васей, которого Кира не любила, но встречалась с ним, чтобы не выделяться. В провинциальном маленьком городке это не приветствовалось. И так она слыла белой вороной, девицей замкнутой и отстраненной. «Больно умная ты, Коровина (эта фамилия больше подошла бы Лерке, но сложилось по-другому), задавака. Больше всех надо, что ли?» Кира и вправду не знала, о чем говорить с девочками, главная цель которых была – удачно выйти замуж. У Лерки тоже имелась цель, но с размахом.

– Мы с тобой, Кирка, поедем в Москву. А эти дуры пусть разбирают местный неликвид. Главное, держись меня, и все будет! Одна-то пропадешь, тетеха!

После школы обе девчонки устроились работать продавщицами. Лерка по призванию, Кира по нужде. Родители постоянно скандалили. Отец выпивал всегда, но раньше хотя бы подрабатывал грузчиком, а потом запил по-серьезному. Мама работала в библиотеке, получала копейки, а иногда вообще ничего. Кире самой нужно было зарабатывать себе на жизнь.

Все получилось как в сериале. После очередной пьяной ссоры с битьем посуды и зуботычинами мама, размазывая по лицу слезы, неожиданно сказала ей на кухне:

– Знаешь, Кира, а ведь Коровин не твой отец. Взял меня напором, ухаживал красиво и с тобой, чужим ребенком в животе, принял. На себя записал, удочерил. Потом, правда, всю жизнь попрекал. А я все боялась, что люди скажут. Вот и согласилась. Настоящий твой отец из Москвы, художник. Дементий Лавров. Приехал сюда на лето, дом снял, писал пейзажи. Я любила его очень. А потом лето кончилось, и все.

– А про меня он знает?

– Я уже на втором месяце была, когда он уехал. Обещал вернуться.

«Значит, я Дементьевна. И Лаврова», – только подумала тогда Кира. Слова матери не стали для нее откровением. Она всегда чувствовала что-то подобное. И она очень любила рисовать.

Вместе с отчимом жить было уже невыносимо. «Уеду, – решила она. – Во что бы то ни стало, маме буду посылать денег, а как устроюсь, к себе ее заберу».

Они жили в маленькой квартире на первом этаже деревянного дома, с отдельным входом и крошечным палисадником. Раньше мама сажала здесь цветы, и под яблоней стоял маленький столик, а между березой и сливой висел гамак. Но теперь хозяйничала по всему участку вымахавшая почти в человеческий рост крапива.

Отец лежал в комнате на диване и смотрел телевизор. Окурки валялись рядом с переполненной пепельницей, бутылка дешевой водки, практически допитая, дополняла ряд пустых банок от пива.

– О, доча! Ну-ка, сгоняй папке за пивком!

– Пап, ну опять ты.

– А ты меня жить не учи. Взяли моду, мать твоя проститутка. И ты туда же. Обе шлюхи подзаборные.

Кира захлебнулась злостью к этому некрасивому, заросшему, грязному и смрадному человеку. И не стала держать ее в себе, как обычно это делала. Слишком сильно ранили его слова. Потому выплеснула все, что накопилось.

– Слушай, я прекрасно знаю, что ты мне не отец. И еще ты испортил маме жизнь. Лучше бы мы жили одни, чем твое лицемерное удочерение. И не смей так про нас говорить.

Его лицо налилось красным, бесцветные брови (и как это Кира раньше не замечала, что она темненькая, а он вылитый альбинос) ярко проступили на одутловатой пористой коже. Он попытался сесть, и ему это с трудом, но удалось.

– Ах ты потаскуха! Сговорила с мамашей! Неблагодарные сучки, да я вас от позора спас, воспитал тебя как родную дочь.

– Я только и видела, что твою пьяную морду и постоянные скандалы. А на маме ты женился, потому что она красивая была и умная, не такая, как все эти местные глупые бабы. Хотел, чтобы все тебе завидовали!

– Ну прошмандовка! Сейчас ты у меня получишь! – Он запустил в нее бутылкой, она полетела и ударила о захлопнутую Киной дверь, со звоном разбившись.

Кира собрала вещи. Когда она выходила из дома со старым фибровым чемоданчиком в руке, забулдыга на диване громко храпел.

– Не, подруга, ну ты молодец! Я от тебя такой прыти не ожидала. Я все понимаю, но не так же быстро. Надо еще место найти, где деньги зарабатывать. Жить-то где будем?

– У меня вот тут есть немножко долларов, на пару месяцев, может, хватит? А пока работу найдем.

Лерка покрутила в руке деньги.

– Этого в Москве на две недели хватит в самом сраном районе с тараканами, – опустила она до грязного плитуса своей кухни воодушевление Киры. Потом немного помолчала. – Ну ладно! Я-то тебе на что! – Порывшись в шкафу, она достала пакетик, в котором был носовой платочек. Из него явились миру несколько зеленых банкнот. – С твоими как раз на два месяца хватит. На шубу копила. А там, может, и папашу твоего найдем.

– Лерка!!! – Прямо как у Алисы, выпившей из флакончика волшебной жидкости, воодушевление у Киры выросло до самого потолка, два с половиной метра. – Какая ты классная! Когда едем?

– Ну с работой разберемся и махнем. Постой, а ты чего с чемоданом-то уже?

Кира рассказала про отчима.

– Ладно, поживешь у меня.

Через неделю, когда замена в магазине была найдена, подруги сели на поезд и поехали в Москву. Прошедшие дни Лера зря времени не теряла. Прошерстила всех возможных знакомых и знакомых знакомых. Как результат этого общения, в столице их ждала однокомнатная квартира на окраине Митино.

На вокзале хозяин вышеобозначенной хрущевки, блеклый маленький человечек с редкими волосами и в засаленном костюме с вытянутыми коленками, взял деньги, вручил им ключ и бумажку с адресом:

– Оплата всегда вперед и чтобы не шуметь.

3

По ту сторону

Он быстро и сильно опьянел и раскачивался на качелях изо всех сил в абсолютно истеричном состоянии, в памяти снова вдруг всплыла черно-белая фотография маленькой девочки с куклой в руках, которая постепенно оживала: сначала соткалось из воздуха белое платье в оборках, потом обрели плоть ноги в туфельках на пуговичках, руки, державшие куклу, и лицо, будто выбеленное пудрой. И уже скоро малышка сидела рядом с ним.

– Ты ведь не всегда была такой?

Девочка молчала. При каждом взлете она немного подавалась вперед, раскачивая качели все сильнее, и ему стало страшно.

– Держись за меня, а то упадешь! – предупредил он.

Она засмеялась, посмотрела на него и крепко и больно ухватила за руку. Он увидел мелкие острые зубы, и взгляд совершенно взрослой женщины на секунду прошил его насквозь. Она стала отцеплять его пальцы от цепи, за которую качели были привязаны к дереву, с непонятно откуда взявшейся грубой мужской силой. Кисть от ее сжатия синела, и суставы распрямлялись сами собой. И не было никакой возможности оторвать взгляд от ее сосредоточенного недоброго лица.

– Что ты хочешь? – наконец выдавил он.

Она посмотрела на него все с той же щербатой улыбкой:

– Хочу, чтобы мы вместе полетали. – Пальцы сдались, и они слетели с качелей, а ночь огласил громкий и грубый женский смех: «Ты останешься со мной навсегда».

Потом вдруг он проснулся оттого, что очень сильно захотелось в туалет. Покрытый холодной испариной и пребывая в полной прострации, он понемногу осознавал, что находится в комнате, но как попал сюда, не мог вспомнить. С трудом опустил на пол одну ногу и тут же отдернул ее, потому что уперся в нечто, лежащее у дивана. На ускоренной перемотке в голове пролетели события дня. «Неужели я так и не закопал это чертово тело?!» – Серая тоска, зацепившись острыми зубами за сердце, больно ударила твердыми костлявыми ладошками по вискам. Из глубины памяти всплыли слова: «Ты меня убил, но не избавился от меня. Я с тобой навсегда». Вместе с ненавистным голосом вспыхнула боль в руке, на которую он оперся, такая невыносимая, что он даже вскрикнул и, бережно приподняв ее за локоть, положил в люльку между согнутыми ногами и животом. Он был готов поклясться самым дорогим на свете, что не выдумал эту наполненную дождевой водой яму, в которой провел бок о бок с трупом несколько часов и откуда он выбирался, ковыряя в мокрой земле ступеньки осколком бутылки. Но ничего дорогого не осталось в его опустошенном, обезображенном мире, в его измученных до предела чувствах и мыслях. Все началось заново. Кошмарное существование завершило один виток и перешло на новый, снова оставив его один на один с этим чудовищем в человеческом обличье, в запрятанном среди гор и леса, кишящего голодными зверями, забытом Богом доме, наполненном страшными, гадкими тайнами. Запрокинув голову, он застонал от беспредельного отчаянья и в следующее мгновение различил темный силуэт, молча сидящий перед ним. Он вновь застонал, упал на подушку и мгновенно провалился в сон.

4

Годом ранее. Март – февраль. Москва. Кира

Ехали на метро, потом долго на автобусе, поднимались по грязной вонючей лестнице. Обитая облезлым дерматином дверь открылась с пол-оборота и выпустила девушек в их новое жилище.

– А что ты хотела за такие деньги? – сказала Лера больше самой себе, чем подруге, и пошла раскрывать окна, которых было два, заляпанных и облупившихся, – в комнате и на крошечной кухне. Прокуренная квартира с желтым потолком и протертым линолеумом, старой советской тахтой, микроскопической сидячей ванной с частично отлетевшей плиткой, ржаво-черным унитазом, текущими кранами и двухкомфорочной плитой с забрызганной жиром стеной над ней. – Но я-то скоро выйду замуж за хорошего парня из интеллигентной семьи и уеду отсюда. И ты не отставай!

Первым делом они пошли в магазин. Купилипельменей, макарон, хлеба, чаю, чистящих средств и несколько газет на предмет поиска работы. Чистили, мыли. Потом пили чай и обводили подходящие объявления под одинокой лампочкой, свисавшей на проводе с потолка.

– На первую зарплату купим торшер и плафон, – мечтала Лерка, засыпая.

– А я кисточки и краски. – Кира взяла с собой старые из дома, но они уже подходили к концу.

Через неделю Леру пригласили на собеседование в небольшое рекламное агентство, менеджером по продажам. Нужно было обзванивать всех по толстому телефонному справочнику и предлагать услуги агентства. Небольшой оклад плюс проценты. Эта работа оказалась как раз для нее. Продавать! Но не колбасу и пиво в их Зажопинске, а дизайн, копирайт и другое рекламное сопровождение в Москве. Неплохое начало. Бойкая на язык, веселая, моментально во все вникающая и на лету схватывающая нюансы этого бизнеса, Лера работала неумолимо и с удовольствием, располагая к себе людей, и заказы действительно шли к ней в руки. Через два месяца директор по работе с клиентами Андрей Николаевич позвал ее с собой на презентацию. Это значило, что Лерку повысили.

– Только прическу смени и ногти приведи в порядок, – сказал он.

Лера немного обиделась, но одолжилась у коллеги, пошла в хороший салон, где распрощалась с гидроперитными патлами (ничего, отрастут), а накладные ногти заместил аккуратный френч. Купила приличествующие случаю блузку, юбку и сапоги. Насмотрелась уже на московских девиц, выбрала все как надо.

А Кире не везло. Она целыми днями сидела на телефоне, но ее тотальная неуверенность сводила все к нулю. Ей неудобно было жить на деньги Лерки, но ту это нисколько не смущало.

– Я бы все равно платила те же деньги, а так приходишь – ужин готов, – успокаивала она подругу.

Они уже купили и торшер, и плафон, но продолжали питаться кашей и макаронами, которые Кира честно пыталась разнообразить всякими добавками типа лука, яиц, сосисок, масла и сыра.

С презентации Лера вернулась с бутылкой шампанского.

– Кирка, меня повысили! И зарплату соответственно тоже. Буду копить на машину, – прокомментировала она с порога.

Потом сели за стол. Лерка принесла еще и вкусной колбаски, и сыра «Бри».

– Немного вонючий, но у нас девчата на работе едят. Вообще-то он и правда ничего, привыкай, подруга, к московским деликатесам. Это тебе не «Российский» просроченный! Кир, я бы тебя рекомендовала на свое место. Но ты же не сможешь. Там знаешь наглостью какой надо быть и хитрой, ну чтобы чего-то получалось. А вот у нас секретарь, кажется, собирается уходить, хочешь, я за тебя попрошу.

– Лерка!

– Да ладно. Не надо благодарностей. Только не подведи. Книжки специальные будешь читать, там их полно на ресепшене стоит.

– Где?

– Ну в приемной, где ты сидеть будешь. Короче, читай, потом поймешь, что к чему, и втянешься. Тогда уже можно и на повышение. Ты же умная, только тетеха.

– А ты практичная! И тоже умная! – восхищалась Кира.

– А еще рисуй, может, дизайнером станешь. У нас парочка есть таких, но ты в тысячу раз лучше их. Только там с компьютером надо на «ты». Ну ничего, выучишься, пока в секретарской сидеть будешь. И вот тебе подарок. – Лерка прошла в коридор и принесла большой пакет с бумагой, кисточками и акварелью. – Самое лучшее взяла, продавец подсказал.

– Лерка, спасибо тебе огромное. – Кира обняла опешившую подругу. – Я обязательно стану дизайнером. Хотя бы только ради тебя.

И они выпили первое свое московское шампанское за первую большую заслуженную удачу. Скоро девушки ездили на работу вместе.

Первая мечта Леры сбылась. Она купила машину, подержанную «восьмерку». Почти каждый день она просматривала газету с объявлениями и перманентно раз в неделю ездила смотреть на автомобиль, параллельно откладывая деньги. И когда, наконец, появился подходящий вариант, Лера поняла, что денег не хватает, но Андрей Николаевич любезно предложил ей недостающую сумму:

– Вернете, когда сможете.

А вскоре последовало исполнение и второй мечты – выйти замуж за молодого, интересного, из хорошей семьи. Лера нравилась Андрею Николаевичу всегда, прежде всего своими профессиональными и моральными характеристиками. Но после ее облагораживания, ставшего следствием «походов в салон», еще и физические данные сотрудницы стали тревожить мужчину и днем и ночью. Вслед за недолгим конфетно-букетным периодом последовало предложение руки и сердца. Как и положено – в ресторане, с колечком, в День святого Валентина. И Лера не смогла не ответить взаимностью приятному (и не бедному) молодому человеку из интеллигентной семьи.

Следуя настоятельным просьбам молодой супруги, теперь уже просто Андрей, без отчества, перевел Киру в ряды менеджеров среднего звена в отдел сувенирки. Эта должность не являлась пределом Кириных мечтаний, но Лерино «ты что, всю жизнь собираешься секретарем штаны просиживать за копейки» заставило ее нехотя сменить род деятельности. Она очень старалась, все читала какую-то тягомотную профессиональную литературу, но работа шла далеко не так бойко, как у подруги. Так же настойчиво, как и сменить профессию, Лера предлагала Кире найти отца, но здесь та проявила стойкость. Хотя сама тайно полезла в Интернет и узнала, что известный художник Дементий Лавров живет в Риме, женат на итальянке, у него двое детей. Ясно, что ловить нечего, но картины отца Кире очень понравились.

Примерно через год Киру ошарашила третья радостная новость от Леры:

– Знаешь, подруга, я скоро ухожу в декрет, так что машина твоя. И не надо меня благодарить. – И положила на стол ключи, документы и доверенность. – Надеюсь, деньги на курсы вождения ты нароешь сама.

Кира даже не нашлась, что и сказать. Просто обняла Леру.

– Спасибо.

Та погладила ее по голове:

– Какая ты все-таки у меня тетеха. Вот что бы ты делала без меня?

Кира не обижалась. Знала, что Лера говорит это, искренне ее любя, и не понимала, чем заслужила такое к себе отношение. Никто о ней никогда так не заботился, как ее деловая, пробивная и совершенно добрая подруга.

Однако нелюбимая работа забирала почти всю жизнь. Каждый разговор с клиентом стоил ей невероятных усилий. Одно дело – теория за секретарским столом, и совсем другое – практика. Она уже стала тихо ненавидеть всю эту «сувенирку» – бесконечные чашки, ручки, халаты. Сроки летели, ошибки громоздились, клиенты ворчали и требовали другого менеджера. Кира не хотела подвести Леру, разрывалась на части британского флага, но ничего не получалось. И еще ей нужны были деньги. Просто на жизнь. Работа дизайнера уже перестала казаться реальностью и перешла в разряд мечты. Рисовать Кира перестала совсем. Все ее мысли были поглощены исправлением ошибок и переживанием собственной никчемности. Были проекты, которые ей удавались, но она не радовалась, а замирала в ожидании неприятностей.

Пока она стояла в пробке, зазвонил мобильный.

– Коровина, мать твою! – дальше посыпались разные непечатные слова. – Почему цветопробу с клиентом не утвердила?! Ты видела, какие пакеты привезли? Сыр у тебя на них зеленого цвета. Ты меня уже достала, Коровина! Будем переделывать за твой счет! Все! Отбой!

Начальник у Киры выражений не выбирал и, помешанный на работе, безынициативную и неуклюжую девушку не переносил. «Тупая корова» – так незатейливо он называл ее за глаза. Когда она пыталась оправдаться, он вообще выходил из себя. Ее жалкие попытки что-то объяснить превращали его в шипящее масло на сковородке.

– Коровина, иди лучше, а то я за себя не отвечаю! – И она обычно уходила в туалет и там плакала, сидя на унитазе.

Пробка между тем потихоньку расплзлась, и машины плавно поехали. Посыпал мокрый снег. «Господи! Ну где же ты там?! – Кира заплакала и посмотрела на небо. – У меня ведь всего одна жизнь! Неужели она всегда будет такой жалкой и убогой! Ну сделай хоть что-нибудь, наконец! Помоги мне, пожалуйста!» В этот момент она почувствовала удар сзади. По лобовому стеклу сползали белые слои снега, она забыла включить дворники. «Спасибо, Господи! Я знала, что у тебя все в порядке с черным юмором. И вообще Лерка всегда учила меня четко формулировать цели, наверное, я опять что-нибудь не то сказала».

Она вытерла ладонями слезы, нос – рукавом «кукурузы» и вышла из машины. Кириным помятый бампер с разбитой фарой сосредоточенно разглядывала прекрасная молодая женщина. Ее новенький красный «Пежо» почти не пострадал. Она мельком бросила недовольный взгляд на Киру, потом на бампер, потом снова на Киру. На этот раз ее чудесные глаза, зеленые в пятнышках, с длинными, умело покрашенными темными ресницами рассмотрели изучающе и сделали выводы. Кира косметикой не пользовалась и не умела, но всегда восхищалась девушками, владеющими этим мастерством.

– Тебя как зовут?

«Наверное, рожа вся красная», – объяснила Кира взгляд незнакомки.

– Кира.

– А меня Таня. – Красавица протянула руку, гладкую, нежную, с длинными пальцами и аккуратными ногтями. Кира даже вздрогнула от долетевшего запаха крема и парфюма.

– Слушай, Кир, у меня времени в обрез. Давай телефонами обменяемся, а потом все вопросы решим. У мужа на сервисе ребята хорошие, быстро все сделают. А то ждать ГАИ, вся эта волокита.

Кира даже ничего ответить не успела. С улыбкой доброй феи Таня достала из чудесной кожаной сумочки салатного цвета чудесный блокнотик и стала писать телефон. У нее вообще все было чудесное – и коротенькая обрезанная дубленка с капюшоном, и серые узкие джинсы, и высокие жокейские сапоги коричневого цвета и с «инспектором» на закругленном и приподнятом носу. Кира всегда мечтала о таких же вещах, как на красотке. Рыжий хвост и длинная косая челка болтались и мешали записывать, и «фея» откидывала их своими длинными пальцами.

– Диктуй свой.

Они обменялись телефонами. «Ну ты вроде доедешь?» От Тани исходило такое спокойствие и такая уверенность, что больше всего на свете Кире захотелось сказать «не доеду, подвезите меня, пожалуйста», залезть в ее красную машину, вдыхать сладкие духи и ехать куда угодно. Но она скромно произнесла: «Спасибо, доеду», неуверенно улыбнулась и в полнейшем трансе, не выпуская из руки бумажки с телефоном, поехала в офис. Кира пару дней подождала, потом позвонила сама. «Абонент в сети не зарегистрирован», – услышала она в ответ. И Кира по-настоящему расстроилась.

5

Октябрь. Италия. Дом

Сад вдруг из дружелюбного превратился в подозрительный и мрачный. Чира беспомощно обернулась на сомкнувшиеся за спиной напряженные кусты, остро осознав, что находится здесь совершенно одна, за много километров от людей, и бежать звать на помощь некуда. «Может быть, в доме все-таки кто-нибудь есть? Может, хозяйка спит?» От этой мысли ей стало еще страшнее. Кто-то в доме был, но скрывался.

– Эй! – Чира сложила зонтик и, медленно приблизившись на пару шагов, осторожно ткнула лежащего в спину. Молчание. – Эй, ты живой? – Человек не шевелился. Она пересилила себя и подошла, представляя, что он сейчас вскочит, схватит ее за руку и набросится на нее, как показывают в фильмах ужасов. Рядом с парнем была яма, наполненная водой. Чира отложила в сторону зонтик и, поборов страх, присела на корточки, дотронулась до щеки мужчины. Та пылала. Она нагнулась ближе. Дыхание его было прерывистым, слабым и хриплым. Попытки еще раз разбудить его, похлопав по щеке и тихонько потянув за горячую, неестественно набухшую, красно-синюю кисть, успехом не увенчались. Сдвинуть его с места тоже оказалось практически невозможно. Чира уже по тропинке, которую она, углубляясь в сад, сначала не заметила, бросилась к дому и взбежала на второй этаж.

– Эй, кто-нибудь! Помогите же! – Спальня и комната, похожая на кабинет, оказались пустыми. Проверив все, она увидела лестницу вниз и спустилась на кухню. Никого. «Как же дотащить его самой?» В надежде проверила телефон. Ничего не изменилось. Сеть осталась где-то за периметром этой странной виллы. Связь всегда исчезала, когда над этими горами разыгрывалось ненастье.

«Кажется, ты красивый, – подумала Чира, вернувшись к лежавшему и поглядев на его лицо, и перевернула парня на спину. – Что же с тобой случилось? – Потом перевернула со спины на живот, потом снова с трудом с живота на спину. – Так я долго буду его катить. Если бы он хоть немного мог двигаться сам, я бы перекинула его руку через плечо, но так...» Рядом валялось мокрое грязное покрывало. Чира немного подумала, подложила тряпку, перекатила парня на нее. Крепко ухватилась за концы и потащила. Продвигалась понемногу, с передышками, остановками, но это все же лучше, чем ничего. Дождь тем временем снова набрал силу, быстро стемнело, вдалеке сверкали неоновые молнии и угрожающе гроыхало. Она зашла в дом, включила свет и раскрыла ставни. Волосы липли к лицу, она языком слизывала и глотала катящиеся по лбу и щекам струйки. Одежду будто только что достали из таза с водой и надели на Чиру, не отжимая. Мокрые джинсы мешали двигаться, не давая согнуться. Наконец они добрались до крыльца.

– Сейчас, сейчас все будет хорошо. Уложу тебя в кроватку. Согреешься. Потерпи еще немножко, – уговаривала она незнакомого, почти умирающего парня. И, уже затаскивая его по лестнице, нечаянно ударила головой о каменную ступеньку. Череп издал глухой, но четкий звук. Чира бросила покрывало.

– Прости, прости, я не хотела. Очень устала. – Приподняла голову парня, проверить, нет ли крови. Крови не было, он хоть и слабо, но все еще дышал. Она смотрела на него несколько секунд и поцеловала в заросшую щетиной щеку.

В гостиной она дотащила его до дивана и сняла мокрый халат. Ощущая некоторую неловкость – не каждый день приходилось видеть голых парней, – она сначала забралась на диван сама и втащила верхнюю часть его туловища, подтягивая за подмышки. Потом закинула его ноги. Подоткнув ему под голову подушку и накинув сверху плед, легла рядом на пол, ощущая, как сильно болит спина. «Вот и порисовала». Хотелось вырубиться прямо

здесь, но прерывистое дыхание человека, которого она недавно поцеловала так неожиданно для себя, заставило ее подняться и пойти на кухню в надежде обнаружить там что-то, что ему поможет. На плите стояла кастрюля протухшего бульона. Она вылила его в унитаз и обыскала холодильник, обнаружила там кусок мяса, а под большим деревянным столом в корзине нашла овощи и, поставив на плиту варить новую порцию бульона, поняла, как проголодалась сама. Съела засохший хлеб и запила его красным вином из открытой бутылки. Ее ресницы вдруг стали жить своей жизнью, слипаться, настойчиво закрывая глаза, и почти невозможно стало их разомкнуть. «Только покормлю его бульоном, и спать, спать, спать...» Длинные Чирины ресницы дотянулись друг до друга сверху и снизу и победили.

Она положила голову на стол, задремала и вскоре проснулась от интенсивного горелого запаха, вскочила, ошарашенная, сначала не поняв даже, где находится. Мясо прижарилось ко дну кастрюли, но бульон еще остался, выпарился не весь, только покрылся серой, не снятой вовремя пенкой. Она аккуратно налила горячую жидкость в чашку и, пошатываясь, пошла в гостиную, думая, что срочно нужны лекарства. Чира готова была перевернуть весь дом, лишь бы найти их. Она не знала, что еще можно сделать. Гроза бушевала, и телефонная сеть все еще оставалась там, за краем свинцово-лиловой тучи.

Она подоткнула парню подушку под голову повыше и, сев с края, приподняла его затылок и поднесла к губам чашку с теплым бульоном. Но рот парня оставался закрытым, и суп потек по подбородку. Вернулась на кухню и, порывшись в буфете, нашла молочник с носиком. Теперь ей удалось по капельке влить в него целую чашку бульона. Потом Чира намочила полотенце холодной водой, протерла ему лицо, после чего сложила полотенце и оставила на лбу. Она не решилась больше парня целовать, а отправилась искать таблетки, сказав вслух: – Я сейчас вернусь.

Ему казалось, что белые ангелы поят его нектаром и машут над его головой своими крыльями, как опахалами. Вдруг за их спинами прошелестело: «Я вернусь... вернуссссь». «Вернется, вернется», – испуганно вторили ангелы и рассеивались в воздухе, снова уступая место жару.

6 По ту сторону

Весь он горел, будто его плавили на медленном огне, как стекло в печи, но вода, лившаяся с небес, остужала градус и не давала дойти до критической точки, когда тело вот-вот растечется и превратится в однородную жидкую массу, впитается в землю и останется там навсегда.

– Вот так хорошо. Только жар и вода, жар и вода... И ничего больше... А ты лежишь в земле, ты больше не придешь... Жар и вода...

Внезапно он почувствовал тычок в спину.

– Эй! – Она, ткнув его кривым пальцем ноги, склонилась прямо к лицу, с ее волос стекала грязь.

– Лучше бы в массу, жидкую и однообразную, навсегда...

Над самым ухом раздался тихий злорадный смех. Костлявая желтая рука похлопала его по щеке.

– Живой... Живучий. Но это ненадолго. Я же сказала тебе, что будем вместе навсегда. – Потом она дернула и сжала его больную кисть. – Кстати, как наша ручка? Надо меньше пить, жалкое убожество. – Она толкнула его и перевернула на спину. Встала над ним, как надгробное изваяние, в мокрых рваных юбке и блузке, с засохшей кровью у уголка улыбающегося перекошенного рта, и мухи ползали по ее лицу. – Тебе никогда не победить меня, щенок. А теперь давай-ка пойдём к мамочке. Хватит уже шалить. – Она еще пару раз на удивление легко перевернула его ступнями с красным педикюром по земле, и его поврежденная кисть отозвалась адской болью. Потом она зажала его длинные волосы в кулаке и с легкостью потащила по сырой земле, как пластмассовую куклу, в свое логово. Он даже не чувствовал боли. Его просто тащили, а издали шурило: «Положу тебя в кроватку... согреешься...»

– Господи! Прошу, позволь мне умереть до того, как она это сделает! – промелькнула в тумане боли и жара мысль, потом он увидел пергаментное лицо и костлявую руку, сжимающую камень.

«Что-то мне не нравится, как ты себя ведешь». – Она размахнулась, ударила его камнем по голове, и все исчезло.

7

Октябрь. Италия. Дом

Чира поднялась на второй этаж. Зашла в спальню. Посмотрела на стену, которая должна была стать полотном для ее первой большой и настоящей работы. Сейчас вся жизнь «до» показалась ей фантомом, несуществующей историей, происходящей с другим человеком. Ее заботило совсем другое. «Не так уж много мест, где могут находиться таблетки». Кровать смята и испачкана. Рядом на полу валяется большая картина, лицом вниз. Она подняла полотно и поставила к стене, оказавшись одного с ним роста. Дама средних лет в длинном черном платье смотрела прямо на нее темными недобрыми глазами. Лицо Чире показалось знакомым. Ах да! Те фотографии на комодке внизу. Заглянула в тумбочки, шкафчики в ванной. Ни одного нужного пузырька или коробочки.

Дверь в соседнюю комнату оказалась взломана. Дерево на месте замка раскромсано в щепки, что с учетом найденного в саду парня и валяющегося на полу портрета показалось ей довольно зловещим. Едва переступив порог кабинета, Чира наткнулась на саквояж, рядом с которым валялась коробочка с аспирином, одноразовыми шприцами и ампулами. Чира присела и изучила надписи: глюкоза и витамины. Кажется, то, что надо. Взяла лекарства и спустилась вниз. Помыла молочник, растворила в нем аспирин и снова по капле влила в рот своему подопечному. Прощупала тоненькую ниточку пульса, сняла полотенце, приложила ладонь к горячей голове, взяла недосмотренный альбом и устроилась на диване у него в ногах. Раскрыла книгу, но репродукции голландских натюрмортов мало занимали ее. Она не могла отделаться от мысли: что-то нехорошее произошло в этом доме совсем недавно. И больше всего ее волновал человек, лежащий рядом, Чира часто отрывалась от книги и смотрела на него. Иногда на нее наплывала дрема. Через пару часов – она засекла время на телефоне, который иногда оживал и показывал одну палочку из четырех, но стоило набрать номер, и капризная сеть снова слетала – Чира вновь дала ему аспирин. Наступила полночь, сон брал свое, но портрет в спальне не выходил из головы. Подниматься наверх среди ночи Чира не решилась, одной оставаться в комнате этого ставшего жутковатым дома совсем не хотелось. Не думая о том, понравится ли это хозяйке, если та приедет завтра утром, она притащила из гостевой одеяло и подушку, бросила их на пол рядом с диваном, затворила ставни, двери, включила маленькую лампочку на столике в библиотечном уголке и устроилась рядом с парнем на одеяле. Посмотрела на него снизу и положила одну руку ему на плечо, чтобы было не так страшно. Улыбнулась и закрыла глаза. Вскоре лежать на боку на твердом полу стало неудобно: начала болеть спина. Чира перевернулась на спину и, прислушиваясь к дыханию парня, заснула, но ненадолго. Далеко, на том конце ускользящего сознания, она услышала протяжный стон и, плохо соображая со сна, села. Он стонал, запрокинув голову, эти звуки больше напоминали плач, безысходный и отчаянный. Потом вдруг приподнялся, заметил ее и замолчал.

– Эй, эй, ты чего?! – Чира потянулась и ласково дотронулась рукой до его ноги. Парень дернулся. – Не бойся. Пожалуйста, не бойся меня.

– Слушай, оставь меня. Переметнись на кого-нибудь другого. Я уже превратился в больную, и раз разговариваю с тобой, то на всю голову шизанутую развалину, со мной теперь не порезвишься... Я ужасно хочу в туалет, но даже подняться не могу. Мне все равно, что ты придумаешь, чтобы поиздеваться надо мной. – Делая долгие паузы, он устало выдавливал из себя слова.

– Что ты?! Я хочу тебе помочь. – Чире стало обидно, хоть она и обрадовалась – раз говорит, значит, выздоравливает. – Ты ведь мог умереть. Хочешь витаминов? Я могу сделать

укол. – Когда однажды у ее мамы несколько недель держалось повышенное давление, местная медсестра научила ее делать инъекции. – Хочешь укол? – повторила она.

Длинные черные волосы собеседницы, тонкие руки, небольшой рост, тихий шепот, дважды повторенное слово «укол» – все вместе не оставляло сомнений, что перед ним эта мерзкая жаба. *«А может, я уже умер, раз разговариваю с ней. Она не могла ожить. Я помню, как похоронил ее. Я умер, и мы встретились».*

– Похоже, именно это и случилось, – сказал он вслух. – Тогда мы на равных. Что ж, у нас есть шанс разнообразить половую жизнь. Может быть, займемся этим прямо в могиле? – Он через силу усмехнулся, и занавес опустился снова.

– Ты что говоришь?! – Чира возмущенно бросилась к нему. – Ты меня с кем-то путаешь! Слышишь? – Увидев, что он больше не реагирует на ее слова, она включила свет, чтобы снова уложить его на подушку и, если жар не спал, дать еще лекарства. Диван под ним оказался мокрым. – Господи, ну что же ты такой глупый? Вместо того чтобы сразу сказать, что не можешь терпеть, нес невесть что.

Чира открыла большой комод, нашла там скатерть и постелила на пятно, чтобы его ноги лежали на сухом. Потрогала губами лоб, потный и не такой горячий, как раньше. Спустилась на кухню налить ему воды. Стала поить из молочника. Парень опять медленно открыл глаза, закрыл и открыл снова:

– Ты кто?

8

Лето. Москва. Ада

Дима, недолго думая, бросил симпатичную девушку Юлю, ради него готовую на все. С ней было слишком скучно. Казалось, даже его талант погибает под ее любовью. Все разговоры только о семье и ребенке. Скучно, как же скучно, никакого вдохновения, ни одного всплеска, кроме вытягивания клещами из него признаний в любви.

«Ты меня правда любишь?» И эти по-собачьи преданные глаза. Ему на самом деле льстило это и было удобно. Бытовой комфорт она ему обеспечила, да и не особенно лезла с ревностью и разборками на тему: «Где ты был?», подарков не просила, и вообще была девушка, приятная во всех отношениях. Но как Юля плакала, узнав об его очередной измене! Пара заученных фраз и обещаний все бы исправили, и она бы, как всегда, его простила. Но сейчас ему этого не нужно, даже хорошо, что так получилось. Он просто собрал вещи и ушел.

Дима, тридцатидвухлетний журналист, познакомился с Адой на фотовыставке. Приехал туда взять пару интервью в один гляцевый журнал. Все считали, что писал он играючи. Слишком небрежно общался с работодателями, ни за кого не цепляясь, работы брал мало, делал ее очень хорошо и за большие деньги. Многие стремились пригласить его в свои издания, звезды хотели, чтобы брал у них интервью именно он, но Дима предпочитал вольные хлеба. Про него даже (коряво и шаблонно, как ему показалось) написали в одном журнале, что у него «врожденное чувство стиля и умение подать любой материал так, чтобы он нравился любой аудитории». У него были какие-то награды, «Золотое перо» и что-то в этом духе. Однако никто не знал, насколько тяжело ему давалось это «чувство стиля», сколько срывов, алкоголя и бесчисленного количества кофе и сигарет скрывалось за каждой статьей. Кажущаяся легкость была плодом тяжелого труда. Но Дима знал, что оно того стоит, и если за что-то брался, то результат превосходил ожидания. Несомненно, у него был талант, но этот талант стоил ему огромных моральных затрат. Дима действительно «одной левой» мог писать стандартные тексты формата «глянец», но он не хотел сидеть в офисе, радоваться зарплате и выслушивать разносы главных редакторов. Еще ему помогали хорошие книги, их он читал запоем и даже завел специальную тетрадку, куда выписывал понравившиеся фразы и метафоры, которые потом использовал в своих текстах. И, конечно, он был очень эмоциональным человеком с отменным чувством стиля, интуитивно всегда понимал, что и как нужно написать, но сделать это ему было непросто. Он не задумывался, что это нормально: за каждой фразой должна стоять работа. Часто упрекал Юлю в том, что она пресная, слишком правильная, давит на него и мешает вдохновению, иногда изменял ей. Но походы налево не давали ему нужного драйва.

И вот он пришел на эту выставку. И встретил Аду среди больших черно-белых фотографий известных людей. Точнее, это она обратила на него внимание. Сам он не заметил низенькую, худую и не очень симпатичную итальянку.

– Что за парень? – спросила она у своего спутника. Ее английское произношение оставляло желать лучшего.

– Кажется, журналист.

– А как бы с ним познакомиться?

– Да просто подойти и заговорить. – Они направились к группе молодых людей, среди которых Дима стоял и пил виски. Пара девчонок явно хотела ему понравиться. Он улыбался, но мыслями был далеко. Рассматривал людей, похоже, кого-то искал.

– Милый мальчик! – заметила Ада спутнику и улыбнулась многозначительно.

– Вот именно, что мальчик. Извини, но ты ему практически в матери годишься.

– А может быть, это именно то, что ему нужно. Давай-ка не будем медлить. Представь меня редактором итальянского журнала.

Ее друг отозвал из компании одного парня, и через пару минут они уже стояли около Димы. На «итальянского редактора» он среагировал вяло, натужно улыбнулся и уже собиравшись уйти, сославшись на интервью, когда Ада потянула его за пиджак, отвела в сторону, запустила пальцы в его волосы, пригнула Димину голову к своим губам и на ломаном английском прошептала:

– Оставь мне телефон, у меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, – а потом легко прикоснулась к его уху губами. Дима опешил, сердце его часто забилося. И он начал диктовать номер, а она записывала его в свой дорожный телефон. После чего сказала: – Теперь иди, я позвоню. – И только он отошел, тут же вернула его назад. – Помада. – Она стерла одним движением пальцев с темным маникюром остатки красной помады с его уха. Но не до конца. – Меня Ада зовут. – Развернулась и ушла.

Он вышел на широкий балкон. Достал сигарету. Руки дрожали.

Потом он взял интервью у именитого фотографа, выставка работ которого и проходила, задавал тупые вопросы, которые сам потом не помнил, и иногда не понимал, о чем говорил собеседник. Когда Дима ушел, фотограф только пожал плечами.

Господи, что произошло? Какой-то морок! Он отправился домой пешком, по дороге купил бутылку пива. Шел и пил, потом поймал такси. Дома Юля увидела остатки помады, попыталась устроить разборку, он послал ее подальше и пошел в ванную. Там разглядывал свое ухо, вспомнил Ван Гога, хмыкнул, стер красные следы и долго смотрел на свои пальцы, вспоминая хриплый голос итальянки. Потом пошарился в Интернете, выпил виски и лег спать.

На следующий день он сел за интервью, удивился тупости своих вопросов и исходящей из них примитивности ответов. Как ни крутил, получалось обычное, стандартное интервью. Раскрыть личность фотографа не удалось. Через несколько часов Дима понял, что ждет звонка итальянки. Юля была на работе. В квартире стояла полнейшая тишина. Он сидел, курил и ждал, пару раз проверил телефон. Положил его рядом. Потом выключил, снова включил. Попытался вспомнить ее лицо и удивился, поняв, что не помнит ни одной черты, только голос и прикосновение.

На следующий день он не выдержал, позвонил знакомому, который ее представил. Нет, тот ничего про нее не знал, и телефон мужика, который был с ней, тоже ему неизвестен, просто виделись пару раз на каких-то мероприятиях. Работать Дима не мог. Звонили подружки, но ему никого не хотелось видеть. Юлю в том числе. И он пошел гулять, потом в кино на поздний сеанс, чтобы к его возвращению она уже спала. Ада позвонила через три дня, слившихся в одно мучительное ожидание, и назначила встречу в одном пафосном кафе в центре Москвы. В десять часов вечера. Ее номер был засекречен.

9

Март – сентябрь. Москва. Кира

Кира мечтала увидеть Таню, поговорить с ней, узнать про нее побольше. Представляла, как они подружатся, и, может быть, ей хоть немножечко удастся стать такой, как она. Может быть, Таня научила бы ее модно одеваться и краситься. Или даже, узнав, что Кира хорошо рисует, помогла бы ей найти работу. Наверняка у такой девушки много всяких замечательных знакомых, которым нужен художник. Кира очень переживала и все время думала, что ей нужно сделать, чтобы прекратить эту чертову унылую жизнь. Однажды в выходной она проснулась и решила искать отца и заняться рисованием, несмотря ни на что. Краски и кисти ей подарила Лера, и вечерами, вместо того чтобы страдать, она, Кира, будет рисовать. Сегодня она пойдет в музей, сядет там на скамеечку, как студентка, и станет копировать какую-нибудь картину. А дома, после работы, будет ставить чашки, вазочки с яблоками и рисовать натюрморты. И начнет во всем себе отказывать и копить деньги. И еще поедет в паспортный стол и поменяет фамилию. Она через Интернет узнает, когда у отца состоится выставка. К тому времени она уволится с работы, если будет нужно, займет оставшиеся деньги у Лерки и поедет в Италию. Там она обязательно с ним познакомится, и они вместе будут ходить по прекрасному городу, и поедут путешествовать, и он покажет ей все итальянские красоты. Настоящий художник обязательно должен путешествовать по Италии, считала Кира, и поклялась себе не раскисать, а действовать по своему плану. И что интересно, план ее, видимо, был верным и соответствовал назначенному свыше течению ее жизни, потому что очередной проект, который ей поручили на работе, складывался как нельзя лучше. Все сдали вовремя, без ошибок, и даже злобный начальник похвалил: «Ну, Коровина, ведь можешь, когда хочешь». Она получила свои первые проценты, хоть и небольшие. Это были первые, но не последние деньги, которые легли на дно жестяной коробочки из-под чая с наклеенной этикеткой «Италия». Вечером, валясь с ног, Кира все равно садилась за свои натюрморты, купила книжку, где учили, как правильно рисовать голову, ноги, руки. Талант талантом, а классического рисунка никто не отменял. Кира и каждую свободную минуту на работе рисовала в тетрадке конечности человека. Еще она купила русско-итальянский разговорник и по всей квартире расклеивала листочки со словами. И зубрила, зубрила, зубрила.

В Интернете она узнала, что очередная выставка отца состоится в самом начале сентября. У нее было в запасе несколько месяцев. Нужно менять паспорт – со старой фамилией отчима жить ей совсем не хотелось, – потом делать заграничный. Для этого придется собрать кучу документов и поехать домой. Туда ее совершенно не тянуло. К тому же одной поездкой не обойтись. Ну ничего, заодно навестит маму. И Кира взяла отпуск за свой счет.

В доме было очень бедно, запущено и грустно. В холодильнике корка сыра, в морозилке самые дешевые пельмени. Она открыла свою комнату – все нетронуто, как было при ней, только с кровати снято покрывало, наверное, мама здесь спит. Кира поставила сумку. За стеной послышался прокуренный кашель и сердитый окрик: «Анька, ты, штоль? Чего так рано?»

Ситуация не изменилась. Кира приоткрыла дверь: «Это я». Отчим лежал на кровати под одеялом и курил дешевую папиросу, кашляя и задыхаясь.

– А, доча нарисовалась! Предательница. Бросила нас помирать и усвистала в столицу! А отец с матерью ковыряйся как хочешь! Привезла хоть пивка-то отцу?!

Кира ничего не ответила, прикрыла дверь и пошла к маме на работу. Как она будет здесь жить даже несколько дней? А главное, как тут живет мама?

Кира купила разных продуктов, и полночи они с ней сидели и болтали на кухне. Кира рассказала о своих планах, и мать их не одобрила. Она была уверена, что отец не признает ее, ничего у Киры не получится и зря она все это затеяла. Когда Кира предложила матери переехать в Москву, та не захотела: «Куда я его одного оставлю, совсем сопьется. Да и больной он весь. Вон почти не встает».

Несколько следующих дней Кира занималась документами, чтобы потом приехать еще раз и забрать готовые. В тот, другой, раз она повторила попытку позвать маму к себе. Но та стояла на своем. Кира, конечно, расстроилась и обиделась. Но что поделать, мать взрослый человек. Сама решает, как ей жить. Она оставила денег и уехала. Возможно, очень надолго. А потом купила тур в Италию и написала заявление об увольнении. Будь что будет.

Провожали ее Лера с мужем.

– Ну, ты молодец, счастливая. Лети и не возвращайся! А потом мы к тебе в гости приедем! Папаше привет. – Лера обняла подругу и немного прослезилась.

– Да ладно, в гости! Кому я там нужна? Вернусь через две недели! – Честно говоря, Кира и сама была не уверена в счастливом исходе своего мероприятия.

Кира Лаврова первый раз летела на самолете. Она попросила место у окна, и когда самолет взлетел, у нее дух захватило от этих маленьких квадратиков зеленых полей, кукольных домиков и микроскопических машинок. Она смотрела на ленты дорог и рек, а когда поднялись над облаками, она увидела совсем близко солнце и белые бескрайние равнины. «Как удивительна жизнь, – думала девушка, – невозможно осознать умом, кем все это придумалось и существует. А впереди еще прекрасная Италия». О встрече с отцом она пока старалась не думать.

Рим полыхал жарой и древней, совершенно магической красотой. Кира отделилась от своей группы и гуляла по городу одна. Выставка должна состояться через неделю. Еще есть время все обдумать и подготовиться. Она каждый день рисовала фонтан де Треви и дельфинов на площади Ротонда, маленькую волчицу и Колизей среди высоких сосен, розы на газонах и фиолетовые бугенвилеи в гостиничном садике. Хотела показать рисунки папе. Пила волшебный кофе в маленьких кафе и думала, что надо пройтись по Корсо и купить себе что-нибудь симпатичное, чтобы хорошо выглядеть при встрече. Из-за своих занятий Кира уже достаточно хорошо понимала по-итальянски, и ей было очень приятно объясняться в кафе и магазинах. Нравился язык, нравился город, и нравились люди. Но одновременно с острыми приступами счастья, которые она испытывала по несколько раз в течение дня, ее преследовал страх перед встречей с родным отцом и одновременно незнакомым человеком.

Она бродила и возле галереи современного искусства, где должна была состояться выставка. Уже висели афиши с фрагментом картины, на которой был изображен красивый тропический остров, парящий в воздухе. Сам зал был пока закрыт. Ей обязательно надо попасть сюда в первый день. Возможно, ей даже не удастся войти внутрь. Но она подождет его здесь, перед входом. Скажет ему:

– Здравствуй, папа. Я твоя дочь, Кира.

Дни пролетели незаметно, и вот наступила ночь перед вернисажем. Кира не могла заснуть. Решимость ее почти пропала. Как отец, который вообще никогда не видел дочь, воспримет ее появление? Да он просто может сказать: «Девушка, я вас не знаю, до свидания», и хорошо еще, если не позовет полицию. Под утро она, наконец, задремала и проспала до полудня. Потом надела новый летний сарафан, собрала в папку рисунки и после обеда пошла к галерее, где села на лавочку у входа. Часам к семи вечера стали собираться гости, на красивых машинах подъезжали мужчины и женщины, одетые в вечерние наряды. Она попыталась проникнуть внутрь вместе с ними, но охранник, как и предполагалось, не пустил

ее. А вскоре подъехал большой черный автомобиль с блестящими боками, и оттуда вышла блестящая семья блестящего успешного художника. Он оказался еще красивее, чем на фотографиях в Интернете. На нем был летний льняной костюм и легкий шарф. За руки он вел двух очаровательных девочек лет семи, в нарядных пышных платьицах, с длинными волосами, перевязанными одинаковыми красными лентами. Водитель подал руку еще одному пассажиру – из машины вышла жена отца, очень красивая молодая блондинка в черном коктейльном платье и туфлях на шпильках. Они улыбались друг другу, о чем-то болтали на итальянском и быстро шли по направлению к входу. Или сейчас, или никогда. Кира встала, папка с рисунками в руках сильно дрожала, и вообще ее довольно заметно потряхивало.

– Дементий Александрович! Простите... – позвала она осипшим голосом.

– Подождите, девочки. – Художник с интересом остановился. Он успел отвыкнуть от русского языка. – Вам что, девушка, автограф?

– Мне, я... дело в том..

– Хотите на выставку? Пропустите девушку, – кивнул он охране. И пошел со своей семьей дальше.

Кира забралась в уголок, из которого открывался хороший обзор, и стала оттуда рассматривать картины, семью отца и людей, которые его окружали и подходили с поздравлениями. Гости пили шампанское, и она тоже взяла бокал с подноса у проходящего мимо официанта. Вокруг неспешно журчала незнакомая, сытая и комфортная жизнь. Девочки шумно бегали по залу, кричали и веселились, и никто на них за это не шикал. Красотка-жена держала отца под руку и совершенно не походила на несчастную, затюканную маму. Несмотря на ее сказочную красоту, Кире она показалась доброй и приветливой. На шее и на руках у нее красовались всякие чудные украшения. Камни на кольцах переливались в свете ярких огней, когда она поправляла попадающие на лицо белые пряди. Отец выглядел совершенно счастливым. Картины, которые открывались Кире из ее уголка, были полны света, радости, ярких красок и таинственности. Какие-то неведомые животные с забавными мордами ходили друг к другу в гости среди огромных сказочных растений цвета фуксии или сирени; роскошные русалки, отдаленно напоминавшие его жену, плыли на бирюзовых облаках по небесам цвета шоколада. Средневековые замки, французские домики, китайские фонарики, мексиканские маракасы, бескрайние долины, полные диких цветов-инопланетян, и красивые женщины – все смешалось, играло, плясало, плыло и обещало бесконечное счастье. Каждая деталь была прорисована настолько четко, как будто настоящая, очень хотелось притронуться и проверить. Да! Ее отец настоящий талант. От его картин хотелось жить, дышать, забыть все неприятности и трудности и творить самой. Так Кира стояла в углу, погруженная в свои мысли, и тут вдруг увидела, что отец со своей спутницей направляются прямо к ней.

– Девушка, что же вы? Хотели на выставку, а сами торчите в углу весь вечер? Это моя супруга Глория.

– Очень приятно. Я... Извините. – Язык снова прилип к небу, и все так тщательно заучиваемые фразы улетели. Кира не нашла ничего лучше, как протянуть художнику свои рисунки. Он, улыбнувшись, переглянулся с женой, но папку открыл и стал рассматривать содержимое.

– Неплохо, неплохо... Вы где-то учитесь тут, в Италии?

– Нет, я из Москвы, вернее, из-под Москвы. Из Толстовки, точнее...

– Хм... Что-то знакомое. Так где вы учитесь?

– Нигде. Вот сама. – И улыбнулась.

– Тогда вы определенно талантливы.

– Спасибо. Я хотела сказать... – Она снова замолчала.

– Вы какая-то странная девушка. Хотя все творческие личности немного странные.

Ну что ж, удачи вам. Посмотрите картины, погуляйте. Может быть, они вас вдохновят. Мне

часто говорят, что мои картины вдохновляют. – И они под ручку удалились. Такие благополучные и красивые. Кира не слышала, да и не поняла бы, что Глория сказала:

– Дорогой, мне показалось, что эта странная русская на тебя очень похожа. Ты не находишь?

– Не обратил внимания, любимая. При случае посмотрю.

И случай не заставил себя ждать. Кто-то сзади потянул его за рукав.

– Снова вы? Скажите же, что вам нужно?

Кира залпом выпила только что взятый у официанта бокал и быстро произнесла:

– Вы мой отец.

10 Лето. Москва. Ада

«Готовился, старался. Очень красивый мальчик. Интеллигентный, умный, слишком чувствительный, очень самолюбивый и самовлюбленный к тому же. То, что надо». А то ее энергетический центр барахлит в последнее время. В Италии, конечно, полно молоденьких красавчиков, но разве их сравнить с этим. Там полное подчинение, скучно и неинтересно. А здесь, если она не ошибается, этого не будет. Можно даже заключить с журналистом договор, если сам не влюбится. Не девочка уже, скоро пятьдесят. И хоть она следит за своей фигурой, выглядит прекрасно и знает всякие приемчики (впрочем, к нему она постарается их не применять, здесь нужно все по-честному, иначе не сработает), вдруг он все-таки не любит старушек. «Надо предложить ему что-нибудь симпатичное, амбициозное, и немного побаловать, – удовлетворенно размышляла Ада, наблюдая из окна машины, стоящей у входа, как он заходит в кафе. – Пусть подождет». Еще минут двадцать она слушала музыку и думала: если у нее все получится, как изменится его жизнь, и не в лучшую сторону, но зато у нее все будет хорошо. Ей нужен кто-то сильный, молодой, умный, кто умеет сопротивляться и не идти на поводу. С кем можно поскандальить и заняться хорошим сексом. Без этого она теряет свою силу. Последний ее бойфренд сильно запил, а потом повесился, бедняга. Что с него взять, слабая душонка. Не зря, не зря она приехала сюда к друзьям развеяться. Кажется, вернется домой не с пустыми руками. А когда он ей надоест, она просто отправит его обратно.

Она подкрасила губы ярко-красной помадой и вышла из машины.

Ада застала его как раз в тот момент, когда он смотрел на телефон, сверяясь со временем. Нервничает. Это хорошо. Диму уже одолевали сомнения, что она придет. Юле пришлось наврать с три короба, куда это он отправляется в субботу вечером и так старательно собирается. На работу, конечно, куда ж еще. Просила взять ее с собой. Поссорились.

– Чао. Прости, немного опоздала, – услышал он одновременно с легким прикосновением губ к его щеке, потом пальцев, и короткий хриплый смешок. Ну, конечно, помада... Сердце зависло, но, когда она села напротив, вернулось в свой обычный ритм.

«И чего я мучился столько времени. Сколько ей, сорок? Или больше? Не люблю старушек. Глубоко посаженные темно-карие глаза. Смотрят, правда, так, что невозможно глядеть прямо в ответ. Загорелая кожа, ну да, итальянка. Красная помада, губы симпатичные. Но слишком выдающийся нос. Очень худая, невысокая, груди практически нет. Серая водолазка, почти в обтяжку, джинсы, кольца красивые. И руки. Волосы черные, длинные, заплетены в косу. Тоже ничего». – Он разглядывал ее, пока она изучала меню. А Ада специально сразу за меню взялась, пусть расслабится. И он действительно немного расслабился. Мало ли взрослых женщин вешалось на него. Эта хоть иностранка, довольно интересная, впрочем. Спать с ней (а в том, что до этого дойдет, он даже не сомневался), по крайней мере, будет не очень противно. Только что она может ему предложить взамен? И стоило ли нервничать, как подросток перед первым свиданием.

– Ты выбрал уже что-нибудь?

– Нет, тебя ждал. – Его английский был получше, чем у нее. И улыбнулся коротко, глядя в глаза, как девочкам нравилось. И прическа, какую он сделал сегодня, с ободком, им нравилась тоже. Только мог бы и не париться. Хорошо, что догадался в джинсах прийти.

– Ну, я готова заказать. А ты что будешь?

– То, что порекомендуешь ты. Я здесь в первый раз.

– Дыню с ветчиной и спагетти с белыми грибами.

– Не люблю спагетти.

– Тогда просто мясо. С кровью. Оно здесь прекрасное. И вино. Вот это. – Она назвала, но он в винах не особенно разбирался и, кроме кьянти, почти ничего не знал. Надо восполнить пробел, журналист все-таки. С выбором он согласился. Правда, подумал, что слишком оно дорогое, а за чей счет банкет, спрашивать неудобно.

– Давай мясо. И вино. Что ты, кстати, делаешь здесь, в Москве?

– Ищу таланты, – ответила она.

Ночь настала незаметно. Они много смеялись, вспоминая и подбирая слова, чтобы объяснить друг с другом. Он даже успел выучить несколько фраз по-итальянски. И не заметил, как его рука оказалась накрыта ее ладонью. Потом они поехали в какой-то бар, потом долго целовались в машине, после у нее в красивом номере, а когда утром он проснулся, увидел рядом с собой тонкие коричневые плечи с яркими красными бретельками шелковой майки. Да, не красавица, старушка, но в сексе оказалась необычайно хороша и вообще интересная женщина. С другой стороны, он и сам не мальчик. Для разнообразия вполне можно проводить с ней время, пока она здесь. Что-то шептала ему страстно по-итальянски. Или он слишком много выпил и все это ему только показалось. Включил телефон. Двенадцать пропущенных вызовов от Юли и еще пара от двух симпатичных девчонок.

– Tesoro!³ Ты проснулся? – Ада потянулась в широкой кровати. – Я в душ.

Он бегло чмокнул ее в щеку. Мда. Ей срочно требуется макияж, вечернее освещение и по паре килограммов на некоторые части тела. Но ничего, неплохой секс и открывающаяся талантам дорога компенсируют эти несовершенства.

Не только это обстоятельство стало причиной того, что он не оделся по-тихому и не сбежал из этого шелково-коврово-мраморного рая. Странная притягательность, которую источала его новая знакомая и в которой он сам еще не разобрался, не давала ему никаких шансов на стандартное «перепихнуться и забыть». Может, это сила денег, или сила личности, или статус европейской подданной. Все вместе, безусловно, создавало вокруг Ады ореол загадочности и самодостаточности. Но было что-то еще... Кстати, он ничего не помнит о том, какую дорогу предлагают талантам. Слишком много выпил вчера. А спрашивать как-то неудобно.

³ Сокровище (*итал.*).

11

По ту сторону

«Раз-два, сорная трава... – услышал он издали мотив уже знакомой ему детской песенки. Сначала она доносилась из глубины сада, но потом стала слышна все явственнее, все ближе, и вот уже скрипнула дверь, по полу прошлепали легкие шаги, и песенка зазвучала возле самого уха, и в паузы между словами прорывалось частое и громкое дыхание. Он сразу понял, чье... Лучше и не открывать глаза. Лучше и не жить вовсе. Надо было остаться на дне той ямы и сдохнуть. Жаба допела песенку и засмеялась:

– Ты меня убил, но не избавился. Я с тобой навсегда. Закроешь глазки, а я тут как тут. Так что, если ты не хочешь меня видеть, лучше вовсе тебе никогда не спать. Слышишь меня?! – крикнула она резким голосом и с силой дернула его за руку так, что он вскочил от собственного крика.

12

Лето. Москва. Ада

Ада накинула любимый халат. Длинный китайский черный халат, расшитый красными цветами. Она всегда возила его с собой. Подошла к зеркалу – под глазами темные круги от усталости и от размазанной туши, много мелких морщин на обезвоженной вчерашними возлияниями коже. Она провела рукой по тому месту, где остался унижительный след от его быстрого и, как ей показалось, немного брезгливого прикосновения. «Да, сокровище, похоже, я не очень тебя привлекаю как женщина. Стареть определенно плохо. Но что поделать? Такова жизнь. У меня есть много других достоинств, и ты скоро о них узнаешь. Ну, и благодаря тебе я все же планирую немного расцвести».

Когда Дима более-менее пришел в себя и вышел из душа, она была уже накрашена, с косой через плечо, на шпильках и в красном атласном платье. С удачными драпировками, как раз в тех местах, куда Дима предполагал накинуть парочку килограммов. «Так-то лучше», – мысленно заключил он.

– Позавтракаем, дорогой? И обсудим наши дальнейшие отношения. – Увидев, как забежали его глаза, добавила: – Профессиональные, дорогой, не бойся. – В дверь постучали. – Я заказала в номер.

На белой салфетке маленького столика стояли белые тарелки с горячими нежными круассанами, мягкими сырами и фруктами. Из серебристого запотевшего ведерка со льдом соблазнительно выглядывала золотистая фольга бутылки шампанского. Рядом стояло оплетенное корзиночкой кьянти. Дима достал телефон и снова выключил его. Розовые пятачки колбасы нагло подмигнули: мол, молодец! Официант разлил по чашкам кофе из высокого белого же фарфорового чайника и удалился, снабженный щедрыми чаевыми.

– Я что-то должен? – Дима сделал вид, будто ему неловко, что за него везде платит женщина. На самом деле ему было все равно, он даже был рад, просто не хотелось упасть в ее глазах.

– Успокойся, tesoro, вот скоро у тебя будет много, много денег, тогда и сводишь меня в кафе. В Италии такие талантливые журналисты, как ты, очень ценятся. Особенно в зарубежных изданиях. Будешь работать на «Vogue», «Elle», не меньше. У меня такие связи, ты даже не представляешь. Открой. – Она кивнула в сторону бутылок.

Шампанского очень хотелось. Пока Дима открывал, обдумывал вопрос, который ей следует задать после всего, что он услышал. Мягко хлопнула пробка. Как же хочется быстрее выпить холодного, с пузырьками. Снять напряжение и вчерашнее похмелье.

– За твой успех. У тебя будет успех, много, много денег, квартира в центре Рима и все, что ты пожелаешь, дорогой, – промурлыкала Ада.

Выпили.

– По-русски! – на русском с легким акцентом сказала Ада и подошла к нему, прикрыв глаза и подставив губы для поцелуя. Дима провел рукой по ее волосам и притянул к себе:

– Но я же не знаю языка, – ответил он.

– Будешь писать на английском. И учить итальянский. В университете, например.

– И что я для этого должен сделать?

– Просто быть со мной.

– Можно я выпью еще шампанского?

Она отошла в сторону. Он наполнил бокалы.

– Не можешь заниматься со мной сексом на трезвую голову? – Она иронично усмехнулась. – Кстати, у тебя есть кто-нибудь?

– Нет. Я совершенно свободен. Просто голова болит. А ты прекрасна. – Он снова осушил бокал до дна, взял ее на руки и отнес на кровать. – «По крайней мере, она легкая», – подумал он, а вслух еще раз сказал: – Ты прекрасна.

Круассаны остыли, а наглые колбаски скоро заветрились.

Домой он возвращался уже поздно вечером. Открывающиеся перспективы ошеломили. Это же будет совершенно другая жизнь, достойная его. А не жалкое серое существование с унылой обожающей Юлей под боком. И главное, никаких тебе пеленок и семейных посиделок под Новый год у ее престарелых провинциальных родственников. Его родители жили в другом городе, и он общался с ними довольно редко. Определенно Ада в него влюбилась. Причем не по-детски. Иначе зачем ей все это? Она богата, умна и знает толк в сексе. Мало ли парней живет с женщинами старше их по разным соображениям. И ничего. Никто еще не умер. А с учетом того, какое будущее его ожидает, общение с ней совсем небольшая плата. Аккуратно изменять он всегда умел. Будет компенсировать. Рим, самые лучшие журналы, уму непостижимо. Только бы рыбка не сорвалась. Обещала позвонить. Свой телефон не оставила. Умно. Можно сказать, что она ему даже нравится.

О том, что почувствует Юля, он не думал вообще. Но дома все же пришлось выслушать небольшой монолог фальцетом, со слезами и красным распухшим носом.

– Пили с ребятами на презентации до утра, ночевал у Женьки, прости.

– Я звонила Женьке, тебя там не было.

– Юля, какая же ты дура. – Дима выпил виски и лег в кровать, отвернувшись к стене, и с этой минуты стал ждать звонка. Девушка тихонько плакала рядом.

Но Ада не позвонила ни в тот день, ни на следующий. И это была самая настоящая пытка. Он без повода кидался на Юлю, много пил, совершенно забил на работу и тупо сидел в Интернете. Он даже не знает ее фамилии и не спросил, в каком все-таки журнале она редактор. Он только смог забить в поисковике: «Ада редактор Италия» и в череде первых ссылок получил такие ответы: «Роберто Бенини определил место в аду для Сильвио Берлускони – Моя Италия», «В помощь редактору. Италия по-русски»... «Мы не будем подобно этому исчадию ада...», «Трехмерное изображение ада», и тому подобные. Дима знал только, что Ада имеет на него какое-то потустороннее «адское» влияние, от которого он не может освободиться, по крайней мере сейчас. Возможно, этот аркан сплетен из обещаний блестящего журналистского будущего, от которого он ни за что не хотел отказываться. Через неделю он поехал к ней в гостиницу.

13

Сентябрь. Рим. Кира

По лицу Дементия Лаврова быстро пробежала рябь чувств, от удивления до полнейшего негодования, после чего он возмутился:

– Девушка, вы что себе позволяете? Это уже слишком! – Повернулся спиной и на итальянском бросил жене: – Пойдем, дорогая.

– Что, что она тебе сказала?

– Ничего особенного, какая-то сумасшедшая русская, утверждает, что она моя дочь.

Кира только поняла, что ей едва хватило сил сказать это. И больше она не сможет повторить свои слова. Она пошла к выходу. Села на лавочку поодаль и смотрела на светящиеся в темноте окна, чувствуя себя сироткой, девочкой со спичками из сказки Андерсена. Слезы лились сами собой, без усилий с ее стороны. Действительно, что она себе возомнила? Как могла подумать, что отец признает ее? Мечтала, что он увидит ее рисунки и они ему понравятся. Да все это жалкие потуги! Вынув из папки несколько листов, она принялась их комкать. Комкала и ревела, и ненавидела себя. Вся эта жизнь, вместе с талантливым папой, и его девочками, и волшебной Италией, не для нее. Ее поманило их красивое сияние, как та Таня с машиной, и обмануло. На что она замахнулась? Еще вырядилась в этот дурацкий сарафан, который в сравнении с платьями гостей на выставке казался просто тряпкой для мытья пола. Через неделю она сядет в самолет и вернется на родину. Место ей в Толстовке, с тихим (еще повезло) и бесцветным Васькой, за прилавком местного сельпо. А про живопись и про отца надо забыть. Так она думала и плакала, растирая ладошками непрекращающиеся слезы.

Между тем в успешной и яркой жизни, происходящей по ту сторону желтых окон, происходил такой разговор:

– Дорогой, а может, это правда? Ты видел, как она на тебя похожа? Почти как наши девочки. Может, ты вспомнишь? Что у тебя было в прошлой жизни?

– Любимая, ну как ты не понимаешь. Внешнее сходство еще ничего не значит. Мало ли вокруг вертится аферисток?

– Но она еще и рисует. Очень неплохо, между прочим.

– Слушай, девчонка увидела мои фотографии, прочитала про меня в Интернете, глянула на себя и составила хитрый план. Смотри, вычислила выставку, пришла, принесла рисунки. Может, они даже не ее. Не стала ничего выдумывать про учебное заведение, я ведь мог и в подробности влезть, приписала все своему таланту. Давай забудем о ней, прошу тебя.

– А что за деревня, из которой она?..

– Толстовка? Мне кажется, в молодости я ездил туда на пейзажи. Красивые места.

– Может, у тебя там кто-нибудь был?

– Дорогая, я прошу, забудем. Давай наслаждаться праздником. – Но наслаждаться он уже не мог. Ведь он встречался там, в Толстовке, с девушкой. И когда он уезжал, она была беременная. Он обещал вернуться, но жизнь изменила его планы и увезла его далеко из той страны. Однако это еще не повод верить наглой девчонке. Двадцать лет никто не объявлялся, и тут на тебе – сюрприз из прошлого. Именно сейчас, когда к нему пришел настоящий успех, и семейное счастье, и положение, и деньги. Первый день столь прекрасно начинающейся выставки оказался безнадежно испорченным. Попрощавшись с гостями, они собрались и поехали домой. В машине царил тягостное молчание, даже ничего не ведавшие, но уставшие дочери его не нарушали.

Кира медленно шла по темному тротуару, и ей было невыносимо тоскливо. Вдруг сзади раздался звук тормозов. Знакомый голос окликнул ее:

– Эй, постой, как там тебя?! – Из машины вышел отец.

Весь вечер он терзался сомнениями, к тому же подогреваемыми женой, – а вдруг правда? Но даже если это так, что потребует девчонка? Чего в молодости не случается, она, по сути, чужой ему человек, не дававший о себе знать столько лет. Вдруг она захочет поселиться с ними, будет претендовать на его внимание и деньги, да мало ли вообще чего она захочет? Отделаться деньгами еще не самый плохой вариант. Пойдет в какой-нибудь журнал, и тогда его идеальному жизнеустройству и спокойствию придет конец. Она действительно похожа на него, и все увидят это явное сходство. Он даже не узнал, где она остановилась. Надо было с ней поговорить. Лучше бы она оказалась простой аферисткой, обман быстро раскрылся бы после простой экспертизы. И тут среди этих размышлений он увидел ее, грустно бредущую по тротуару, уже без своей папки, и, не дав себе времени подумать, резко затормозил и выскочил из машины. Она остановилась, вся зареванная, нос красный.

– Как тебя хоть зовут-то?

– Кира.

– Садись в машину.

Она неуверенно забралась на заднее сиденье пахнувшего дорогой кожей салона, села рядом с девочками, которые с интересом на нее смотрели и задавали матери какие-то вопросы на своем чудесном языке.

– Где остановилась? – Кира назвала гостиницу, и машина тронулась. – Утверждая, что ты моя дочь, ты должна иметь серьезные доказательства. То, что ты на меня похожа, ничего не значит. Я же могу все проверить, сделать нужные в этом случае анализы, и если раскроется обман, ты можешь даже получить срок. В Италию тебя точно уже никогда не пустят. Ты это понимаешь?

– Я не обманываю. Помните Аню Фролову? Вы познакомились с ней давно, когда ездили на пейзажи в Толстовку. Мама сказала, что вы даже знали о ее беременности и обещали вернуться, но так и не приехали. – Они уже подъехали к гостинице.

Художник немного помолчал.

– Знаешь, если бы не моя жена, то я забыл бы о тебе после первого нашего диалога. Но раз уж так получилось, давай завтра встретимся в рыбном ресторане, тут за углом, спросишь у портье, он один здесь рыбный, не перепутаешь. В обед. Около часа. Тогда поговорим. – Затем жестом дал понять, что ей пора выходить.

Конечно, ей было досадно, что отец разговаривал с ней недоверчиво и пренебрежительно. Забыл бы после первого диалога, если бы не жена! Не зря Кире она показалась доброй, видимо, так и есть на самом деле. Уговорила его пообщаться с навязчивой девчонкой. Это везение, добрый знак. И нельзя им пренебрегать. Хоть и хотелось обидеться и не идти ни в какой ресторан. Однако Кире очень понравился Дементий Лавров, она гордилась, что он такой талантливый, и решила, что ее обиды за брошенную маму и его поведение, которое она оправдывала осторожностью, ни к чему не приведут. А так все же есть призрачный шанс, что они появятся друг у друга.

14 Лето. Москва. Ада

Ада сфотографировала Диму вечером, когда они добрались до номера. Для важных фотографий она всегда пользовалась пленочным фотоаппаратом. В электронных портретах не хватало души, а ей нужна была именно она. Сегодня Ада забрала фотокарточки из печати. Выбрала одну, на которой он получился особенно хорошо. Лицо в фас, то, что требуется. Волосы убрал в хвост. Большие глаза цвета панциря черепахи, коричневые с болотным, густые ресницы, губы, которые хочется целовать, хотя из них вечно торчит сигарета... Нужно будет отучить мальчика от этой вредной привычки. А сейчас он должен думать, что ради него она готова на все. Она и вправду ради него на что-то готова, например, отвезти его в Италию, где он будет какое-то время тешить ее самолюбие и плоть. Такой молодой интеллектуальный красавчик. Он ей очень нравится. Но Ада умеет держать себя в руках. В ее игре на выживание мужчина обязательно должен ей нравиться, его можно даже немножечко любить, но ни в коем случае нельзя окунаться в эту любовь с головой. Иначе крышка способностям, крышка тебе самой, а там недолго и до крышки гроба. Мужчина в ее игре инструмент, который должен подпитывать молодость, эмоции, энергию, красоту и силу, но не забирать их. Поэтому нельзя в него погружаться и отдавать свое сердце. Надо держать его на длинном поводке и в тонусе – действовать методом кнута и пряника. Это у нее отлично получалось, голову Ада никогда не теряла до конца, всегда балансировала на грани, зато в прямом и переносном смысле ее потерял последний ее мужчина. И вот пришлось искать нового. Она нашла его здесь. В Россию Аду давно тянуло прошлое – ее бабушка однажды совершила непоправимую ошибку. В возрасте лет шестидесяти влюбилась до безумия в сорокалетнего русского парня, забыла обо всем на свете, забрала его с собой в Италию и отрелась от Силы. Они погибли, небо наказало ее за слабость, подстроив страшную автомобильную катастрофу. Дар перешел к Аде именно в тот день. Ей уже было двадцать, и она рассталась с тайной мечтой стать потомственной ведьмой. По семейным легендам, Господь если наделял избранных из их рода тайной силой, чувствовали они это уже в младшем возрасте. Ее мать осталась простой женщиной, и Ада, видимо, тоже. Несмотря на то что бабушка, кстати, в отличие от нее невероятная красавица, многое ей рассказывала и показывала, у Ады ничего не получалось, хоть она и тренировалась на ребятах из школы. Замечая ее странные манипуляции и взгляды исподлобья, эти придурки только смеялись над тем, как невзрачная носатая девочка корчит из себя медиума. И это ее злило невероятно. Она просила бабушку наказать их, но та утверждала, что это большой грех. И раз не дано, то и не нужно идти наперекор судьбе. По окончании школы Ада стала готовиться к поступлению в медицинский, чтобы хотя бы таким образом властвовать над людьми. Об этом она мечтала. Ада представляла, как придет к ней один из бывших одноклассников с какой-нибудь страшной болезнью, и она, конечно, вылечит его, но до этого всласть поиздевается над ним, заставит его бояться и переживать, как переживала она, будучи маленькой школьницей, в способности которой никто не верил. Училась она хорошо, не тратя времени на вечеринки и посиделки с подружками, не замечая парней, ведь даже редкий поход в кино выбивал ее из заданного ритма. Она потом еще долго злилась на себя, что дала слабину, потратила время впустую, и от этого погружалась в учебу еще усилнее. Медицина интересовала ее гораздо больше, чем дискотеки, сплетни и наряды.

В тот день она готовилась к экзамену. Внезапно заныло сердце, после ставшее ее верным, хотя и злым помощником, лоб покрылся испариной, ее потянуло к семейному альбому. Раскрыв страницу на бабушкиной фотографии, она долго гладила ее, и ей очень хотелось

плакать. Причину сильнейшей тоски удалось понять лишь вечером, когда пришла с работы мама и сообщила, что бабушка погибла в автокатастрофе. Ночью она Аде снилась. Они долго говорили, Ада к утру не могла вспомнить о чем, запоминать и толковать сны она научилась гораздо позже, но в голове после сна засела одна мысль: нужно взять себе бабушкин сак-воаж. И еще она помнила общий смысл их долгой беседы: дар перешел к ней, и надо принять его и не упустить. Любимая бабушка, ее идеал, погибла, передав Аде свою силу, исполнив внучкину сокровенную мечту.

Поэтому, когда в очередную годовщину бабушкиной смерти один из многочисленных друзей, разбросанных по всему миру, пригласил Аду в Москву, она решила, что это знак. Помимо того, что она найдет себе здесь, в Москве, отличного любовника и раба в одном лице, Ада хотела отомстить за любимую нонну⁴ этим самонадеянным русским мужланам и восстановить справедливость.

Но до сих пор ее чувствительное сердце молчало, не посылая никаких сигналов, и вот наконец-то случилось. Когда Ада его увидела на выставке, у нее даже дыхание перехватило. Сердце простучало знакомые сигналы – один короткий, другой совсем короткий: это он. И, как обычно, оно не ошиблось. В постели Дима тоже оказался прекрасен, что было чрезвычайно важно, потому что секс значился основной частью игры после психологической. Ада, улыбаясь, поцеловала фотографический снимок и положила его на зеленое сукно письменного стола.

– Надо будет посильнее привязать его к себе.

– Мне нужна Ада, итальянка. Она остановилась в вашей гостинице, – нервно бросил Дима портье, который высокомерно оглядел бледного молодого человека с дрожащими руками, лихорадочным блеском в глазах, заросшего щетиной и в рубашке не первой свежести.

– Уточните фамилию.

– Чью? Свою?

– Нет, дамы, которую вы ищете.

– Я не знаю фамилии, она живет у вас, кажется, на последнем этаже. – Он вспомнил сад на крыше, где они пили шампанское той ночью. – Там еще был небольшой сад.

– Молодой человек, во-первых, у нас на всех этажах есть номера с садами, во-вторых, не зная фамилии, я вам помочь ничем не смогу. – На самом деле портье прекрасно понял, о ком шла речь. Эта странная женщина, несмотря на невзрачную, даже немного страшноватую внешность (сам портье предпочитал высоких порноблондинок с силиконовыми бюстами), обладала необъяснимой притягательностью и всегда давала хорошие чаевые. Просто ему доставляло удовольствие пренебрежительно общаться с теми, кто ему этих чаевых не давал, и показывать им свою власть.

– Слушайте, я вас очень прошу, найдите ее. Много ли Ад останавливается в отеле? Посмотрите по книге гостей.

– Мы не сообщаем сведения о своих посетителях неизвестно кому. – Лицо портье походило на пуленепробиваемый сейф, который стоял позади него.

– Я ее друг. Она будет вам признательна, если вы ее позовете ко мне.

– Если вы друг, то почему не знаете ни номера, ни фамилии?

Дима очень устал за эти дни и от ожидания, и от алкоголя. Нервы его были на пределе. Его настолько взбесил пренебрежительный тон жалкого прислужника, позволяющего разговаривать с ним снисходительно, что он не выдержал и схватил его за рукав, ткань на фирменном пиджаке лопнула.

⁴ Бабушка (*итал.*).

– Слушай, ну давай я тебе денег дам, а? Сколько тебе нужно? – И Дима стал выворачивать пустые карманы.

– Вы пьяны, молодой человек! Я вызываю охрану. – С ничего не выражающим лицом портье брезгливо стряхнул с чуть порванного рукава лапы, другой рукой нажал на кнопку. Два дюжих молодца скрутили Диму сзади, он упирался и грозил им своим забытым дома журналистским удостоверением и последующим судом.

– Закусывать надо, парень! – гоготали здоровенные охранники, подтаскивая его к выходу. В это время из лифта вышла Ада. Она ждала с утра. Знала, что он придет. Не завтракала, только пила воду – еда расхолаживает, забирает энергию, подавляет концентрацию. (Иногда помощь клиентам давалась ей особенно тяжело, и тогда она почти не ела по несколько дней.) И когда сердце екнуло и лоб покрылся испариной, она промокнула его салфеткой, подправила макияж и направилась в холл, где увидела происходящую сцену. «Похоже, я немного перестаралась», – довольно улыбнулась она.

– Любезный! – На этот раз лицо портье превратилось в шоколадную конфету. – Куда они тащат моего друга? – спросила она по-английски.

– Госпожа... это ваш друг?! Я сейчас же распоряжусь, чтобы его отпустили!

– Побыстрее, пожалуйста.

Через пару минут здоровые лбы извинились. В основном перед ней. Портье увивался лисой.

– Мы предоставим вашему другу номер, чтобы он мог привести себя в порядок.

– Спасибо, не надо. Мы пройдем в мой. И я обязательно сообщу администрации о вашем неприемлемом поведении.

Дима откинулся на кресло и закрыл глаза. Он открыл их, когда почувствовал, что Ада села к нему на колени, в руках она держала два бокала вина. Залпом выпил.

– Не переживай, дорогой. Что взять с этих мужланов, они различают людей только по размеру их кошелек и бренду чемодана.

Свой бокал она поставила на ковер, и он мягко опрокинулся, оставив на ворсе красное пятно. Его пустой бокал она положила рядом.

– Ты ужасно выглядишь, тебе надо взбодриться. – И стала Диму целовать. Ситуация его униженности возбуждала ее особенно сильно.

Через час, когда он принял душ, Ада заказала машину.

– Надо поехать приодеть тебя. Такой красивый мальчик не должен ходить в этих обносках. – Майка, брезгливо поднятая с пола двумя наманикюренными пальцами, упала обратно.

Водитель привез их в центр. До самого вечера они ходили по разным модным магазинам и выбирали одежду. Сначала Дима отказывался, слишком дорогими ему казались эти тряпки, особенно скупаемые в таких количествах.

– Мне за один костюм нужно работать месяц, – вразумлял он Аду.

– Дорогой, мы купим все, что тебе подойдет.

Подошло несколько джинсов, рубашки, пара костюмов, туфли классические, ботинки casual, майки, водлазки, и даже белье и часы! «Неприлично молодому талантливому журналисту ходить в такой дешевке». Часы, которые на прошлый Новый год ему подарила Юля, полетели в мусорное ведро. Это его немного задело, но он промолчал. Замена оказалась весьма достойной. «Телефон, кстати, тоже неплохо было бы сменить».

Потом, загрузив вещи в машину, они долго гуляли, пили кофе и вино в разных кафе, поужинали и за полночь вернулись в гостиницу. Когда утром Дима засобирался, она взяла его за руку:

– Не надо уезжать, у тебя же все здесь есть.

И он остался в ее номере. Юля позвонила сама и услышала короткое без объяснений:

– Я к тебе больше не вернусь. Не звони мне, – и потом гудки. Конечно, она звонила, но Дима больше не разговаривал с ней.

Они ходили по выставкам и музеям, ужинали с Адиными друзьями в дорогих ресторанах, учили итальянский. Работа перла, как никогда. Отличные тексты складывались сами собой. Конечно! Он знал, он чувствовал, что все дело в занудной Юле.

– Дайте моему другу дополнительный ключ от номера. Он тоже может пользоваться машинами из вашего автопарка.

– Я не умею водить.

Очень удивленный взгляд, почти такой же удивленный, как у портье.

– Тогда услугами вашего водителя.

Это был взрыв мозга! Дима даже не мечтал о таком. Девушки, которые раньше и так не оставляли его без внимания, теперь не давали прохода. И среди них появились очень достойные экземпляры. Но Дима понимал: без всего, что есть у него сейчас, он им, в принципе, не нужен, поэтому был крайне осторожен (позволял себе только мысленно облизнуться и бросить комплимент особенно понравившейся барышне). Телефоны, правда, записывал. На всякий случай. Он боялся обидеть, как-то задеть Аду, не хотел вызывать у нее подозрений. Мало ли что ждет его впереди, если уже сейчас такой шоколад. И он действительно не мог даже предположить, что его ждет!

Новость о том, что Ада уезжает, стала для него таким же откровением, как если бы по телевизору официально объявили, что инопланетяне существуют.

– Да ладно! – только и смог выдать он расстроено.

– Sì, tesoro⁵, пора возвращаться домой. А тебе надо решить, едешь ты со мной или остаешься.

Ну конечно едет! Что за глупые вопросы.

– Ада, дорогая, если ты позволишь, конечно, я поеду с тобой. – Он обнял ее и поцеловал проверенным способом, так ее возбуждавшим. – Разве я смогу теперь жить без тебя. (И, развивая мысль дальше, подумал: «Без твоих денег, шмоток, ресторанов, связей и перспектив».)

– О'кей! – Она отстранилась. – Тогда вот тебе список телефонов, – достала из ежедневника бумажку. – Позвони, скажи, что ты от меня, и собирай документы на визу. Все пройдет быстро. Ах да! Вот еще приглашение. О! И карточка, а тут ПИН-код. Пользуйся, любимый. И живи пока здесь.

«Знала, что он согласится. Надо было поломаться для приличия». Диму кольнула легкая досада. Она уверена, что он никуда не денется. Он взял бумаги.

– Спасибо. Кстати, а в каком все-таки журнале ты работаешь?

Ада усмехнулась.

– Странно, что ты спросил об этом только сейчас. Неважно, название все равно тебе ни о чем не скажет.

⁵ Да, сокровище (*итал.*).

15

30 лет назад. Италия. – Лето. Москва. Ада

В спальне у кровати стоял старый саквояж из коричневой, потертой от старости кожи. Его передавали друг другу по наследству несколько поколений женщин из их рода, наделенных магическим знанием. Не все из них были белыми ведьмами, черной стала и Ада. Ожесточенность, поселившаяся в ней в детстве, и отсутствие контроля утянули ее в сторону зла.

На следующий день после смерти бабушки все поехали далеко в горы, на виллу, где та ранее жила в полнейшем уединении. Ада сразу пошла в спальню и там нашла этот саквояж.

– Он будет мой, – сказала она маме, удивленной тем, что дочка не выпускает из рук старую сумку, набитую всякой ерундой. И была не против. Мама выросла настолько обычной, что даже бабушкины способности не производили на нее должного впечатления. Что взять с домохозяйки, читающей дни напролет одинаковые любовные романы в мягких переплетах, с мужем-инженером и шестью детьми, среди которых одна Ада оказалась избранной. Бабушку мать никогда не понимала, и она сама, и ее муж, Адин отец, старались не общаться с чудаковатой матерью и тещей. И только Ада обожала проводить время со своей драгоценной нонной, погружаясь в волшебный мир могущества. Только с ней ей было по-настоящему хорошо. Видно, бабушка все-таки верила в нее, потому что никогда не оставляла их так называемые уроки. Внучка не знала о том, что если бы нонна не была уверена в ее предназначении, то и не стала бы тратить силы и время, чтобы с детства заложить в ней то зерно, которое к назначенному сроку должно было дать ростки и расцвести, а бабушка в этом не сомневалась. Не торопила, ничего не доказывала, только терпеливо и методично ее учила. Уж она-то видела, как Ада, посидев у постели больной сестры и положив руку ей на голову, сбивала температуру. Или мальчик, который особенно ей докучал, падал вдруг на ровном месте с велосипеда и лежал неделю дома с вывихнутой ногой. Бабушка была уверена, что Ада вспомнит об этом и все поймет, но немного позже. Надо лишь подождать.

И вот, сидя в большой гостиной, где огромные зеркала, завешенные покрывалами, завораживали и манили, похоже, только ее – а что по ту сторону? – где суетились родственники и все готовились к похоронам, она раскрыла бесценный чемоданчик с сокровищами и увидела поверх них вдвое сложенный листок, оказавшийся небольшим письмом:

«Дорогая, любимая внучка! Ведьмам нашего рода нужно выбирать: либо дар и сила, либо любовь и семья. Отказываться от дара, если ты приняла его, уже нельзя. Я сделала это и чувствую, что близок мой конец. Но, к сожалению, без мужчин нам тоже нельзя. Они дают силу и молодость, а вместе с тем и энергию, которая утекает с каждым колдовством, и ее нужно восстанавливать, если не хочешь ранних болезней и старости. Ты это поймешь сама, я уверена, что, как только умру, все мои знания перейдут к тебе. Решай сама, как воспользоваться ими, и помни, что я тебе сказала. Твоя бабушка». Вместе с саквояжем Аде досталось завещание на виллу и внушительная денежная сумма. Гораздо большая, чем матери и другим внукам. И из-за этого все члены семьи, вступившие в возраст, когда такие вещи превращаются в яблоко раздора, сначала наседали на Аду (особенно отец), в надежде ухватить от ее пирога, а потом, поняв, что делиться она не будет, обиделись на нее. Ада всех их по-своему любила. Ей не то чтобы стало жалко денег. Просто она поняла, что это ее шанс начать новую жизнь, снять хорошую квартиру и заниматься тем, чем должна, а самое главное – о чем осознанно мечтала последние лет десять. Ведь чтобы у нее появился доход, надо хорошо выучиться, а делать это она хотела в комфортных условиях. В центре Рима Ада сняла, а через много лет и выкупила небольшую старую квартиру, которую долго искала, а когда нашла, то влюбилась в нее так, что уже не хотела переезжать ни в какие роскошные

апартаменты, хоть деньги ей это позволяли, и некоторые мужчины намекали, что неплохо бы. Над ними она издевалась особенно изощренно. Как можно не чувствовать, не понимать эту живую, невероятную квартиру. Тупые самцы. (Она, кстати, почти никогда не заводила себе богатых мужчин.) В доме по соседству она сняла маленькую, полутемную квартирку – чтобы там принимать клиентов. Урну с бабушкиным прахом Ада забрала с кладбища, сунув немалую сумму могильщику, и поставила ее посреди длинного комода в подвале виллы, где хранилось много вещей обожаемой нонны, – пусть она продолжает жить в своем доме.

Ада в который раз перечитала письмо, ставшее желтым и потрепанным, положила его на место, в отдельный карманчик, достала изрядно похудевший клубок красных шерстяных ниток и иглу, потом сходила за фотографией. Она совсем разделась, зажгла в спальне красные свечи, села на кровать и стала обматывать нитью портрет. Когда лица почти не стало видно, она стала протыкать кожу на подушечках своих пальцев иглой и выдавливать капли крови так, чтобы они капали на красную шерсть. Ей было больно, и пальцы немели, но она все колола и выдавливала кровь, впадая в транс, пока нить не увлажнилась, и тогда Ада легла и положила перемотанный портрет к себе на грудь, и стала тихо и быстро произносить только ей известные слова, сильно прижимая к себе ладонями фотографию, наконец закончила:

– Ты теперь полностью мой, – и, обессиленная, заснула. После этого Дима и пришел к ней в гостиницу – ничего не соображающий и готовый на все. Отличный момент для того, чтобы мальчика обогреть и облагодетельствовать. А потом увезти в Рим. Да и увозить не придется, сам полетит быстрее самолета.

16

Лето. Москва – Рим. Дима

Первый раз он изменил Аде сразу в день ее отъезда. Сводил в дорогой ресторан одну из новообразовавшихся подружек с супервыдающимися формами. Боже, как он соскучился по нормальной женской заднице. Пока ужинали и ехали в такси к ней домой (в номер он ее позвать не решился), он чуть не сошел с ума, так хотелось накинуться на нее сразу. Утром Дима отвел барышню позавтракать в модное кафе и купил ей пару платьев в Столешниковом. После чего она поклялась ему в любви до гроба. Но у него уже были планы на другую симпатичную особу.

«Боже, какая она скучная, эта Юля. Как я вообще мог раньше с ней жить? – досадливо подумал Дима, в очередной раз выслушав по телефону ее просьбы вернуться и начать все заново. – Никакой гордости. Ведь сказал ей прямым текстом, что уезжаю с любимой женщиной в Италию, и пусть отлипнет уже. Так нет, звонит и звонит. Весь мозг уже вынесла своими страданиями. Даже эти глупые шлюшки, готовые сразу переспать, получив в залог всего лишь поход в ресторан, и те с понятием». Одна из них сидела сейчас напротив него в недавно открытом модном ресторане «Льюис Кэрролл» и, хлопая нарощенными ресницами, рассказывала ему что-то без умолку, а он типа внимательно слушал. Она заткнулась, надув губки, чтобы уточнить, кто своим телефонным звонком посмел прервать их беседу.

– Мама переживает, где я так поздно, – объяснил он.

Когда уезжаешь от таких девиц утром и не оставляешь свой телефон, они не кидаются вслед. Понимают и довольствуются коротким, но красивым прошлым. А Юля: где живешь, что ешь? Ну ничего, завтра вечером у него самолет. Сменит телефон, и хрен она его достанет. А эта будет последней, кого он трахнет на русской земле.

Дима был так увлечен своими мыслями, что не заметил, как мимо него прошел человек, с которым Ада разговаривала во время первой их встречи на выставке. Он занял место через столик и набрал номер:

– Чао, дорогая!.. Нет-нет. У меня все хорошо. А вот у тебя, даже не знаю, как сказать... Твой красавчик к тебе приезжает? Завтра уже?! А я смотрю – он молоде-е-ец! Через столик от меня в «Льюисе» сидит с блондинкой. Ничего такая, не старше двадцати пяти, грудь и прочее. Видно, решил оторваться напоследок. Неосторожный он у тебя. В этот ресторан все валят последнее время... Ага... Не за что, cara!⁶ Целую.

Дима купил себе очень элегантный и дорогой чемодан, сумку под ноутбук и заказал билет в бизнес-класс. Денег на карточке было более чем достаточно. На все хватило. Ада оказалась не прижимистой старушкой. Интересно, где она их берет? Редактором точно столько не зарабатывает. Может, наследство? Или удачный развод? Говорят, у них в Европе можно нажиться неплохо на этом деле. Что ли, жениться на ней, а потом того... Хотя вряд ли ему удастся уличить ее в супружеской измене, скорее наоборот.

Самолет тем временем выруливал на взлетную полосу.

Он сошел с трапа и попал в душное итальянское лето. На автобусе ехал в здание аэропорта по летному полю, думая о том, что не купил солнечные очки. На самом деле Дима волновался, неизвестность тревожила его, но пытался уговаривать себя, что все будет хорошо. Прощел паспортный контроль, забрал чемодан и среди встречающих стал искать глазами Аду. Наверное, опаздывает. Он сел на лавочку. Посидел пятнадцать минут. Разгля-

⁶ Дорогая (итал.).

дывал людей. Итальянцев можно было отличить по тому, как они кидались друг к другу при встрече. Остальные вели себя более сдержанно. В здании курить запрещалось, и он вышел на улицу. Покурил, купил воды, сел опять и набрал номер Ады. Абонент недоступен.

Ада, заранее выключив телефон, улыбалась, издали наблюдая за его передвижениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.